

ИНСТИТУТ СОЦИОЛОГИИ РАН
МОСКОВСКАЯ ВЫСШАЯ ШКОЛА
СОЦИАЛЬНЫХ И ЭКОНОМИЧЕСКИХ НАУК
ЦЕНТР ФУНДАМЕНТАЛЬНОЙ СОЦИОЛОГИИ

ИРВИНГ
ГОФМАН

ERVING
GOFFMAN

THE PRESENTATION
SELF
IN EVERY DAY
LIFE

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ
СЕБЯ ДРУГИМ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ
ЖИЗНИ

Перевод с английского А. Д. Ковалева

МОСКВА
КАНОН-ПРЕСС-Ц
КУЧКОВО ПОЛЕ
2000

СОДЕРЖАНИЕ

<i>А. Д. Ковалев</i>	
КНИГА ИРВИНГА ГОФМАНА «ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ» И СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ	5
ПРЕДИСЛОВИЕ	29
ВВЕДЕНИЕ	32
ГЛАВА ПЕРВАЯ. ИСПОЛНЕНИЯ	45
Вера в исполняемую партию	45
Передний план исполнения	54
Театральное воплощение	63
Идеализация	67
Поддержание экспрессивного контроля	84
Ложные представления	91
Мистификации	101
Действительность и уловки	105
ГЛАВА ВТОРАЯ. КОМАНДЫ	112
ГЛАВА ТРЕТЬЯ. ЗОНЫ И ЗОНАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ	142
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. ПРОТИВОРЕЧИВЫЕ РОЛИ	179
ГЛАВА ПЯТАЯ. КОММУНИКАЦИЯ С ВЫХОДОМ ИЗ ПРЕДСТАВЛЯЕМОГО ХАРАКТЕРА	208
Обсуждение отсутствующих	211
Сценические разговоры	217
Командный сговор	218
Перестроения в ходе исполнения	231
ГЛАВА ШЕСТАЯ. ИСКУССТВО УПРАВЛЕНИЯ ВПЕЧАТЛЕНИЯМИ	251
Защитные меры и практики	256
Покровительственные действия	274
Тактичность относительно другой тактичности	279

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. РАМКИ СОЦИАЛЬНОГО ВЗАИМО-	
ДЕЙСТВИЯ	283
Аналитический контекст	284
Личность—Взаимодействие—Общество	287
Сравнения и исследовательские возможности	289
Роль выразительности в передаче впечатлений о себе	295
Инсценирование и социальное Я человека	299

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

Гофман Ирвинг

**ПРЕДСТАВЛЕНИЕ СЕБЯ ДРУГИМ
В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ**

Оформление *Н. Д. Саркитова*
Верстка *А. Н. Саркитова*
Корректор *В. А. Подолинская*

Издательство «КАНОН-пресс-Ц»,
118054, г. Москва, Стремянный пер., д. 31/1.

Серия ЛР № 066291

По вопросам реализации звонить: 113-31-31.
Региональным оптовым книготорговым
организациям обращаться:
111402, г. Москва, Вешняковская ул., 6-3-92.

Подписано в печать 12.03.00. Формат 84x108^{1/32}. Печать офсетная.
Гарнитура SchoolDL. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 15,96.
Тираж 3.000 экз. Заказ № 231

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в ППП типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6.

9 7 8 5 9 3 3 5 4 0 0 6 9

ВВЕДЕНИЕ

Когда человек присутствует там, где присутствуют другие, эти другие обыкновенно стремятся раздобыть свежую информацию о нем или задействовать уже имеющуюся. Как правило, они будут интересоваться его общим социально-экономическим положением, его понятием о себе, его установками по отношению к ним, его компетентностью в каких-то вопросах, его надежностью и т. д. Хотя иногда розыски отдельных сведений, по-видимому, превращаются в самоцель, обычно имеются вполне практические причины для сбора такой информации о человеке. Сведения о данном индивиду помогают определить ситуацию, позволяя другим заранее знать, чего он ждет от них и чего они могут ожидать от него. Обладая подобной информацией, другие знают, как лучше всего действовать, чтобы получить от этого индивида желаемую реакцию.

В распоряжении присутствующих других находятся многие источники информации и многие носители (или «знаковые средства выражения») для ее передачи. Если наблюдатели даже не знакомы с человеком, то они в состоянии по его поведению и облику подобрать некоторые ключи, которые позволяют им применить к нему свой предыдущий опыт общения с приблизительно похожими людьми или, что более важно, использовать еще непроверенные стереотипы. На основании прошлого опыта они могут также предположить, что в данной социальной обстановке будут встречаться, по всей вероятности, только люди определенного сорта. Наблюдатели могут полагаться или на то, что человек говорит о себе сам, или на документальные свидетельства о том, кто и что он есть на самом деле. Если наблюдатели знают самого индивида или имеют сведения о нем по опыту прежнего взаимодейст-

вия, они могут опереться на предположения об известном постоянстве и общей направленности его психологических свойств как на средство предсказания его теперешнего и будущего поведения.

Однако за время непосредственного присутствия данного индивида в обществе других людей может произойти слишком мало событий, способных сразу же снабдить этих других необходимой им убедительной информацией, если они намереваются действовать осматрительно. Многие решающие факты и указания находятся за пределами времени и места прямого взаимодействия или содержатся в нем в скрытом виде. К примеру, «истинные» или «действительные» установки, убеждения и чувства индивида можно выяснить только косвенно, благодаря его признаниям или непроизвольным проявлениям в поведении. Подобно этому, когда индивид предлагает другим некий продукт или услугу, то часто бывает, что на всем протяжении прямого контактирования другим не предоставляется возможности «раскусить» этого человека. Тогда они вынуждены принимать некоторые моменты взаимодействия как условные или естественные знаки чего-то недоступного чувствам напрямую. В терминологии Г. Иххэйзера¹, индивид должен будет действовать таким образом, чтобы намеренно или ненамеренно *самовыразиться*, а другие, в свою очередь, должны получить *впечатление* о нем.

Способность индивида к «самовыражению» (и тем самым его способность производить впечатление на других) содержит, по-видимому, два совершенно разных вида знаковой активности: произвольное самовыражение, которым он *дает* информацию о себе, и непроизвольное самовыражение, которым он *выдает* себя. Первое включает вербальные символы или их заменители, используемые общепризнанно и индивидуально, чтобы передавать информацию, о которой известно, что индивид и другие связывают ее с данными символами. Это и есть «коммуникация» в традиционном и узком смысле. Второе включает обширную область человеческого действия, которую

¹ Ichheiser G. Misunderstanding in human relations // The American Journal of Sociology. Supplement LV. September. 1949. P. 6—7.

другие могут рассматривать как симптоматику самого действующего лица, когда имеются основания ожидать, что данное действие было предпринято по иным соображениям, чем просто передача информации этим способом. Как мы увидим, такое различие значимо лишь первоначально, ибо, будьте уверены, индивид может передавать намеренную дезинформацию, пользуясь обоими этими типами коммуникации: при первом в ход идет прямой обмен, при втором — притворство.

Понимая коммуникацию и в узком, и в широком смысле, можно прийти к выводу, что когда индивид оказывается в непосредственном присутствии других, его активность будет иметь характер некоего обещания. По всей вероятности, другие сочтут, что они должны принять этого индивида на веру, предложить ему разумный ответный эквивалент (пока он «присутствует» перед ними) в обмен за нечто такое, истинную ценность чего удастся установить уже после его отбытия. (Разумеется, другие пользуются гипотетическими умозаключениями и в своих контактах с физическим миром, но только в мире социальных взаимодействий объекты, о которых делают умозаключения, способны целенаправленно облегчать или тормозить этот процесс.) Надежность проверяемых выводов об индивиде будет, конечно, меняться в зависимости от таких факторов, как количество уже имеющейся у других информации о нем, но никакое количество прошлых сведений, очевидно, не может полностью избавить от необходимости действия на основе предположительных умозаключений. Как настаивал Уильям Томас:

Очень важно для нас также понять, что в повседневной жизни мы фактически не ведем наши дела, не принимаем решений и не достигаем целей статистически или научно. Мы живем по гадательным умозаключениям. Скажем, я ваш гость. Вы не можете знать и определить научно, не украду ли я ваши деньги или ваши ложки. Но предположительно я все же не украду, и также предположительно вы принимаете меня как гостя².

Сделаем теперь поворот от позиции других к точке зрения индивида, который представляет себя перед ними.

² Цит. по: Social behavior and personality (Contributions of W. I. Thomas to theory and social research) / Ed. by E.H. Volkart. N.Y.: Social Science Research Council, 1951. P. 5.

Возможно, он хочет внушить им высокое мнение о себе, или чтобы они думали, будто он высокого мнения о них, или чтобы они поняли, каковы его действительные чувства по отношению к ним, или чтобы они не получили никакого определенного впечатления. Индивид может желать также достаточно гармоничных отношений с другими, чтобы поддерживать с ними взаимодействие, либо хотеть избавиться от них, обмануть, запутать, сбить с толку, противодействовать, или навредить им. Независимо от конкретной цели, присутствующей в сознании индивида, и от мотивов постановки этой цели, в его интересы входит контролирование поведения других, особенно их ответной реакции на его действия³. Этот контроль достигается, в основном, путем влияния на определение ситуации в начале его формулирования другими, и влиять на это определение индивид может, выражая себя таким образом, чтобы создать у других впечатление, которое побудит их действовать добровольно, но согласно его собственным планам. Поэтому, когда индивид оказывается в обществе других, у него обычно появляются и причины активизироваться для произведения такого впечатления на них, внушить которое в его интересах. Например, если подруги в студенческом общежитии будут судить о девичьей популярности по числу вызовов к телефону, вполне можно подозреть, что некоторые девушки начнут нарочно устраивать такие вызовы для себя, и потому заранее предсказуема находка Уилларда Уоллера:

Многие наблюдатели отмечали, что девушка, которую зовут к телефону в студенческом общежитии, часто тратит время, чтобы дать всем подругам с избытком послушаться, как ее имя выкликают несколько раз⁴.

Из двух видов коммуникации — процессов произвольного и непроизвольного самовыражения — в книге в пер-

³ В понимании этого вопроса я многим обязан неопубликованной статье Т. Бернса из Эдинбургского университета, в которой он доказывал, что скрытый нерв всякого взаимодействия — это желание каждого его участника контролировать и управлять реакциями других присутствующих. Похожую аргументацию развивал недавно Дж. Хейли в неопубликованной статье, но в связи с особой разновидностью контроля, нацеленного на определение природы взаимоотношений вовлеченных во взаимодействие лиц.

⁴ Waller W. The rating and dating complex // American Sociological Review. II. P. 730.

вую очередь уделяется внимание второму, более театральному и зависимому от контекста, невербальному и, вероятно, непреднамеренному (будь то случай целенаправленной организованной коммуникации или нет). Как пример того, что мы должны попытаться исследовать, процитируем обширный беллетристический эпизод, в котором описано как некий Приди, англичанин на отдыхе, обставляет свое первое появление на пляже летнего отеля в Испании:

Само собой разумеется, надо постараться ни с кем не встречаться взглядом. Прежде всего он должен дать понять тем возможным компаньонам, чтонисколько в них не заинтересован. Смотреть сквозь них, мимо них, поверх них — этаким взгляд в пространство. Будто пляж пустой. Если мяч случайно упадет на его пути — он должен выглядеть застигнутым врасплох. Потом улыбка радостного изумления озарит его лицо (Добродушный, Любезный Приди!), когда он начнет осматриваться, пораженный тем, что на пляже, оказывается, *есть* люди, и бросит им мяч обратно, легонко посмеиваясь над собой, *а не над людьми*, — и тогда уж небрежно возобновит свое беспечное обозрение пространства.

Но придет время устроить и маленький парад достоинств Идеального Приди. Как бы невзначай он даст шанс любому, кто захочет, увидеть мелком титул книги в его руках (испанский перевод Гомера — чтение классическое, но не вызывающее, к тому же космополитичное), а затем он неторопливо сложит свою пляжную накидку и сумку аккуратной защищенной от песка кучкой (Методичный и Практичный Приди), непринужденно вытянется во весь свой гигантский рост (Большой кот Приди) и с облегчением сбросит сандалии (наконец-то, Беззаботный Приди!).

А бракосочетание Приди и моря! На этот случай — свои ритуалы. Во-первых, шествие по пляжу, внезапно переходящее в бег с прыжком в воду, и сразу после выныривания плавно, мощным бесшумным кролем туда — за горизонт. Ну, конечно, обязательно за горизонт. Он мог бы неожиданно перевернуться на спину и бурно взбивать ногами белую пену (ни у кого не вызывая сомнений, что способен плыть и дальше, если б захотел), а потом вдруг стоя выпрыгнуть на полкорпуса из воды, чтобы все видели, кто это был.

Другой ход был проще: он не требовал испытания холодной водой и риска показаться чересчур высокодуховным. Вся штука в том, чтобы выглядеть до того привычным к морю, к Средиземноморью и к этому пляжу, что такой человек по своему произволу мог бы сидеть хоть в море, хоть не в море без вреда для репутации. Такое времяпрепровождение допускало медленную

прогулку внизу по кромке воды (он даже не замечает, как вода мочит его ноги, ему все равно что вода что земля!) глаза обращены к небу и сурово выискивают невидимые другим признаки будущей погоды (Местный рыбац Приди)⁵.

Романист хочет показать нам, что Приди неадекватно истолковывает неясные впечатления, которые его чисто телесные действия производят, как он думает, на окружающих. Мы и дальше можем подсмеиваться над Приди, полагая, что он действует с целью создать о себе особое впечатление и впечатление ложное, тогда как другие присутствующие либо вообще не замечают его, либо еще хуже, то впечатление о себе, какое Приди страстно хочет заставить их принять, оказывается сугубо частным необъективным впечатлением. Но для нас в этом единственно важно, что тот вид впечатлений, который, как полагает Приди, он производит, — это реально существующий вид впечатлений, какой верно или неверно получают от него в своей среде другие.

Как сказано выше, когда индивид появляется перед другими, его действия начинают влиять на определение ситуации, которое они начали формировать до его появления. Иногда этот индивид будет действовать полностью расчетливо, выражая себя данным способом, чтобы произвести на других именно то впечатление, которое с наибольшей вероятностью вызовет у них желанный ему отклик. Нередко, будучи расчетливым в своей деятельности, он может относительно слабо сознавать это. Порой он будет намеренно и осознанно выражать себя определенным образом, но, в основном, потому, что такого рода выражения вызваны к жизни традицией его группы или его социальным статусом, а не какой-то конкретной реакцией (отличающейся от смутного принятия или одобрения), вероятностно ожидаемой от людей, находящихся под впечатлением от данного самовыражения. Наконец, время от времени сами традиции одной из ролей индивида позволяют ему создать стройное впечатление определенного рода, хотя он, возможно, ни сознательно, ни бессознательно и не собирался производить такого впечатления. Другие, в свою очередь, могут или получать впечатление

⁵ Sansom W. A contest of ladies. L.: Hogarth, 1956. P. 230—232.

просто от усилий индивида что-то передать, или неправильно понимать ситуацию и приходить к умозаключениям, не оправдываемым ни намерениями этого индивида, ни фактами. Во всяком случае, поскольку другие действуют так, как если бы индивид передавал конкретное впечатление, можно принять функциональный или прагматический подход, допустив, что индивид «эффективно» воплотил данное определение ситуации и «эффективно» внедрил понимание того, что подразумевает данное состояние дел.

В реакции других имеется один момент, который требует здесь специального комментария. Зная, что индивид, скорее всего, будет представлять себя в благоприятном свете, другие могут делить наблюдаемое ими на две части: часть, которой индивиду относительно легко манипулировать по желанию, поскольку она состоит, преимущественно из его вербальных утверждений; и часть, состоящую преимущественно из проявлений непроизвольно-го самовыражения индивида, которой он, видимо, почти не владеет или которую не контролирует. В таком случае другие могут использовать то, что считается неуправляемыми элементами его экспрессивного поведения, для проверки достоверности передаваемого элементами управляемыми. В этом проявляется фундаментальная асимметрия, присущая процессу коммуникации: индивид, предположительно, сознает коммуникацию только по одному из своих каналов, тогда как наблюдатели воспринимают сообщения и по этому каналу и по какому-то другому. К примеру, жена одного шотландского хуторянина, подавая местные островные блюда гостю с «материка» (главного острова Великобритании) с вежливой улыбкой выслушивала его вежливые похвалы тому, что он ел, и одновременно подмечала скорость, с какой гость подносил ко рту ложку или вилку, жадность, с какой он заглатывал пищу, выражение удовольствия при жевании, используя эти знаки для проверки высказанных чувств едока. Та же женщина, чтобы раскрыть, что один ее знакомый А «на самом деле» думает о другом знакомом Б, поджидала момента, когда Б в присутствии А оказывался вовлеченным в разговор с кем-то третьим В. Затем она скрытно следила за сменой выражений на лице А, наблю-

давшего Б в разговоре с В. Не участвуя в беседе с Б и не опасаясь его прямого наблюдения, А иногда расслаблялся, терял обычную сдержанность, притворную тактичность и свободно выражал свои «действительные» чувства к Б. Короче, эта шотландка наблюдала никем другим не наблюдаемого наблюдателя.

Далее, приняв как данность, что другие, по всей вероятности, будут сверять более контролируемые элементы поведения человека с менее контролируемыми, можно ожидать, что иногда индивид попытается извлечь выгоду из самой этой вероятности, так направляя впечатления от своего поведения, чтобы они воспринимались информационно надежными⁶. Например, будучи допущенным в тесный социальный кружок, участвующий наблюдатель может не только сохранять приемлемый внешний вид во время выслушивания информанта, но и постараться сохранить такой же вид при наблюдении информанта, разговаривающего с другими. Тогда наблюдателям наблюдателя будет не так легко раскрыть, какова его действительная позиция. Конкретную иллюстрацию этому можно подобрать из жизни на Шотландских островах. Когда к местному жителю заглядывает на чашку чая сосед, последний, проходя в дверь дома, обычно изображает на лице, по меньшей мере, подобие теплой ожидаемой улыбки. При отсутствии физических препятствий вне дома и недостатке света внутри его обычно имеется возможность наблюдать приближающегося к дому гостя, самому оставаясь незамеченным. Нередко островитяне позволяли себе удовольствие любоваться, как перед дверью гость сгоняет с лица прежнее выражение и заменяет его светски-общительным. Однако некоторые посетители, предвидя этот соседский экзамен, машинально принимали светский облик на далеком расстоянии от дома, тем обеспечивая по-стоянство демонстрируемого другим образа.

Такого рода контроль над частью индивидуальности всестонавливает симметрию коммуникационного процес-

⁶ В широко известных и весьма солидных трудах Стивена Поттера, в частности, осуждаются знаки, которые можно подстроить, чтобы дать пронзительному наблюдателю якобы случайные ключи, необходимые ему для обнаружения скрытых добродетелей, какими манипулятор знаками в действительности не обладает.

са и подготавливает сцену для своеобразной информационной игры — потенциально бесконечного круговращения утаиваний, живых откровений, открытий и переоткрытий. К этому следует добавить, что поскольку другие будут, скорее всего, довольно беспечно относиться к неуправляемым элементам в поведении индивида, то этот последний, контролируя их, сможет многое приобрести. Другие, конечно, могут почувствовать, что он манипулирует якобы стихийными аспектами своего поведения, и усмотреть в самом этом акте манипуляции некий теневой момент в его поведении, который он не сумел проконтролировать. Это дает нам еще одну проверку поведения индивида, на этот раз — его предположительно нерассчитанного поведения, тем самым вновь восстанавливая асимметрию коммуникационного процесса. Отметим попутно, что искусство проникновения в чужие розыгрыши «рассчитанной нерассчитливости», по-видимому, развито лучше нашей способности манипулировать собственным поведением, так что независимо от количества шагов, сделанных в информационной игре, зритель, вероятно, всегда будет иметь преимущество над действующим, и первоначальная асимметрия процесса коммуникации, похоже, сохранилась.

Допуская, что индивид планирует определение ситуации, когда появляется перед другими, мы должны также видеть, что эти другие, какой бы пассивной ни казалась их роль, будут и сами успешно направлять определение ситуации благодаря своим ответным реакциям на действия индивида и всевозможным начинаниям, открывающим ему новые пути действия. Обычно определения ситуации, проецируемые несколькими разными участниками, достаточно созвучны друг другу, так что открытые противоречия случаются редко. Это вовсе не означает, что когда каждый участник чистосердечно выражает то, что он действительно чувствует, и честно соглашается с выраженными чувствами других присутствующих, там непременно возникнет своего рода консенсус. Этот род гармонии есть оптимистический идеал и вовсе необязателен для слаженной работы общества. Скорее, от каждого участника взаимодействия ждут подавления своих непосредственных сердечных чувств, чтобы он передавал лишь та-

кой взгляд на ситуацию, который, по его ощущению, будут в состоянии хотя бы временно принять другие. Поддержанию этого поверхностного согласия, этой видимости консенсуса помогает сокрытие каждым участником его собственных желаний за потоком высказываний, утверждающих ценности, которым любой присутствующий чувствует себя обязанным клясться в верности, хотя бы на словах. Кроме того, обычно приходится считаться и со своеобразным разделением труда при определении ситуации. Каждому участнику позволительно устанавливать пробные авторизованные правила отношения к предметам, жизненно важным для него, но напрямую не затрагивающим других, например, к рациональным объяснениям и оправданиям своей прошлой деятельности. В обмен за эту вежливую терпимость он молчит или избегает тем, важных для других, но не столь важных для него. В таком случае мы имеем своего рода *modus vivendi*⁷ во взаимодействии. Участники совместно формируют единственное общее определение ситуации, которое подразумевает не столько реальное согласие относительно существующего положения дел, сколько реальное согласие относительно того, чьи притязания и по каким вопросам временно будут признаваться всеми. Должно также существовать реальное согласие о желательности избегать открытого конфликта разных определений ситуации⁷. Этот уровень согласия можно называть «рабочим консенсусом». Надо понимать, что рабочий консенсус, установившийся в одной обстановке взаимодействия, будет совершенно отличаться по содержанию от рабочего консенсуса, сложившегося в иной обстановке. Так, между двумя друзьями за обедом поддерживается взаимная демон-

⁷ Конечно, взаимодействие может быть специально организовано с целью найти в нем время и место для выражения разногласий во мнениях, но в таких случаях участники должны договориться, что не будут сориться из-за определенного тона голоса, словаря и уровня серьезности аргументации, а также уловиться о взаимном уважении, которые спорящие участники обязаны тщательно соблюдать по отношению друг к другу. К этому дискуссионному или академическому определению ситуации можно прибегать и в срочном и в неторопливо-рассудительном порядке как к способу перевода серьезного конфликта взглядов в такой конфликт, с которым можно управиться в приемлемых для всех присутствующих рамках.

* Условия существования (*лат.*).

страция привязанности, уважения и интереса друг к другу. В другом случае, например в сфере услуг, сотрудник заведения тоже может поддерживать образ бескорыстной увлеченности проблемой клиента, на что клиент отвечает демонстрацией уважения к компетентности и порядочности обслуживающего его специалиста. Но независимо от таких различий в содержании, общая форма этих рабочих приспособлений одинакова.

Учитывая тенденцию отдельного участника принимать заявки на определение ситуации, сделанные другими присутствующими, можно оценить ключевую важность информации, которой индивид первоначально обладает или которую приобретает о своих соучастниках, ибо именно на базе этой исходной информации индивид начинает определять ситуацию и выстраивать свою линию ответных действий. Первоначальная проекция индивида заставляет его следовать тому, кем он полагает быть, и оставить всякие претензии быть кем-то другим. По мере того как взаимодействие участников развивается, в это первоначальное информационное состояние, разумеется, вносятся дополнения и модификации, но существенно, что эти позднейшие изменения без противоречий соотносятся с первоначальными позициями (и даже строятся на них) отдельных участников. Похоже в начале встречи индивиду легче сделать выбор относительно того, какую линию обхождения распространять на других присутствующих и какой требовать от них, чем менять принятую однажды линию, когда взаимодействие уже идет полным ходом.

В обыденной жизни тоже, конечно, встречается ясное понимание важности первых впечатлений. Так, рабочая сновка занятых в сфере услуг часто зависит от способности захватывать и удерживать инициативу в отношениях, возникающих при обслуживании клиентов — способности, которая требует тонкой агрессивной тактики со стороны обслуживающего персонала, если его социально-экономический статус ниже статуса клиента. У. Уайт поясняет это на примере поведения официантки:

Первым бросается в глаза факт, что официантка, которая работает в условиях сильного давления со всех сторон, не просто пассивно реагирует на требования своих клиентов. Она уме-

ло действует с целью контролировать их поведение. Первый вопрос, приходящий нам в голову при виде ее взаимоотношений с клиентурой таков: «Обуздает ли официантка клиента, или клиент подавит официантку?» Квалифицированная официантка принимает решающее значение этого вопроса...

Умея официантка останавливает клиента доверительно, но без колебаний. К примеру, она может обнаружить, что новый клиент сел за столик сам, прежде чем она успела убрать грязные тарелки и переменить скатерть. В данный момент он опирается на столик, изучая меню. Она приветствует его, говорит: «Пожалуйста, позвольте заменить скатерть», потом, не ожидая ответа, отбирает у него меню, вынуждая его отодвинуться от столика, и делает свое дело. Отношения с клиентом вежливо, но твердо направляются в нужное русло, и здесь не возникает вопроса, кто руководит ими⁸.

Когда взаимодействие, начатое под влиянием «первых впечатлений», само оказывается первым в обширном ряду взаимодействий с теми же участниками, мы говорим о «заошем начале» и чувствуем решающее значение этого начала. Так, некоторые учителя в отношениях с учениками придерживаются следующих взглядов:

Никогда нельзя позволять им брать над вами верх — или вы пропали. Поэтому я всегда начинаю жестко. В первый же день, входя в новый класс, я даю им понять, кто здесь хозяин... Вы просто вынуждены начинать жестко, чтобы потом иметь возможность ослабить вожжи. Если начать с послаблений, то когда вы попытаетесь проявить твердость — они будут просто смотреть на вас и смеяться⁹.

Точно так же служители в психиатрических лечебницах нередко чувствуют, что если нового пациента в первый же день его пребывания в палате круто осадить и показать ему кто хозяин, — это предотвратит многие будущие неприятности¹⁰.

Признав, что индивид способен успешно проецировать определение ситуации при встрече с другими, можно предположить также, что в рамках данного взаимодействия вполне возможны события, которые будут противоречить,

⁸ Whyte W. F. (ed.). *Industry and society*. Ch. 7. When workers and customers meet. N.Y.: McGraw-Hill, 1946. P. 132—133.

⁹ Becker H. S. *Social class variations in the teacher-pupil relationship* // *Journal of Educational Sociology*. Vol. 25. P. 459.

¹⁰ Taxel H. *Authority structure in a Mental Hospital Ward* / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1953.

дискредитировать или иным способом ставить под сомнение эту проекцию. Когда случаются такие разрушительные для нее события, взаимодействие само собой может остановиться в замешательстве и смущении. Некоторые из предпосылок, на которых основывались реакции участников, оказываются несостоятельными, и они обнаруживают, что втянуты во взаимодействие, для которого ситуация была определена плохо, а далее и вообще не определена. В такие моменты индивид, чье представление себя микрообществу скомпрометировано, может испытывать стыд, а другие присутствующие — враждебность и все участники могут ощущать болезненную неловкость, замешательство, потерю самообладания, смущение и своего рода аномальность ситуации как следствие крушения социальной микросистемы взаимодействия лицом-к-лицу.

Подчеркивая тот факт, что первоначальное определение ситуации, проецируемое индивидом, склонно становиться планом для последующей совместной деятельности, то есть рассматривая все в первую очередь с точки зрения самого этого действия, — нельзя упустить из виду решающий факт, что всякое проецируемое определение ситуации имеет еще и отчетливо выраженный моральный характер. И именно на этом моральном характере проекций преимущественно сосредоточен научный интерес данного исследования. Общество организовано на принципе, что любой индивид, обладающий определенными социальными характеристиками, имеет моральное право ожидать от других соответствующего обхождения и оценки. С этим принципом связан и второй, а именно, что индивид, который скрыто или явно сигнализирует другим о наличии у него определенных социальных характеристик, обязан и в самом деле быть тем, кем он себя провозглашает. В результате, когда индивид проецирует определение ситуации и тем самым скрыто или явно притязает быть лицом определенного рода, он автоматически предъявляет другим и некое моральное требование оценивать его и обращаться с ним так, как имеют право ожидать люди его категории. Он также неявно отказывается от всех притязаний представляться тем, кем

он на деле не является¹¹, и, следовательно, отказывается от претензии на обращение, причисляющее таким людям. Тогда другие согласятся признать, что индивид сформировал их и о том, что есть в действительности, и о том, что они *должны* видеть в качестве этого «есть».

Нельзя судить о важности срывов в процессе определения ситуации по частоте, с какой они случаются, ибо очевидно, что они происходили бы еще чаще, если бы не соблюдались постоянные предосторожности. Думаю, что во избежание этих срывов постоянно применяются предупредительные практические процедуры, а также корректировочные действия, дабы возместить ущерб от вредных происшествий, которых не удалось избежать. Когда индивид пускает в ход эти стратегии и тактики с целью отстоять свои собственные проекции, то эти действия называют «защитной практикой»; когда же некий участник применяет их, чтобы спасти определение ситуации, спроецированное другим, то об этом говорят как о «покровительственной практике» или «такте». Вместе взятые защитные и покровительственные практики охватывают процедуры, которые призваны оберегать впечатление, выношенное индивидом во время его присутствия перед другими. К этому следует добавить, хотя люди сравнительно легко могут увидеть, что без применения защитных практик не выжило бы никакое первоначально произведенное впечатление, им, вероятно, гораздо труднее понять, что очень немногие впечатления смогли бы выжить, когда бы получатели этих впечатлений не соблюдали такта при их восприятии.

Кроме факта применения мер предосторожности для предупреждения нарушений в проецируемых определениях ситуации, можно также отметить, что усиленное внимание к таким нарушениям играет существенную роль в социальной жизни группы. Там разыгрываются грубые социальные мистификации и шутки, где целенаправленно подстраиваются неудобные, смущающие положе-

¹¹ Эта роль свидетелей в ограничении возможностей самовыражения индивида особо подчеркивалась экзистенциалистами, которые устранивали в этом основную угрозу индивидуальной свободе. См.: Sartre J.-P. Being and nothingness. L.: Methuen, 1957.

ния, к которым надо относиться несерьезно¹². Сочиняются фантазии, в которых происходят головокружительные разоблачения. Рассказываются и пересказываются анекдоты из прошлого (реального, приукрашенного или вымышленного), обстоятельно расписывающие бывшие или почти бывшие трудности, с которыми удалось блистательно справиться. По-видимому, не найдется ни одной разновидности групп, которая не имела бы готового запаса таких игр, фантазий и назидательных историй, — запаса, используемого в качестве источника юмора, средств избавления от тревог и санкций для поощрения индивидов быть скромными в своих притязаниях и благоразумными в ожиданиях. Человек может раскрывать себя и в рассказах о воображаемых попаданиях в неловкие положения. В семьях любят рассказывать о случае с гостем, перепутавшим даты и прибывшим, когда ни дом, ни люди в нем не были готовы к его приему. Журналисты рассказывают о случаях, когда прошла настолько многозначительная и понятная для всех опечатка, что были юмористически разоблачены напускная объективность газеты и соблюдаемый ею декорум. Работники общественных служб рассказывают о клиентах, которые очень забавно недопонимали вопросы в заполняемых анкетных формах и давали ответы, которые подразумевали крайне неожиданные и причудливые определения ситуации¹³. Моряки, чья «семья» вдали от родного дома состоит из одних мужчин, рассказывают истории о матросе на гобывке, который за домашним столом непринужденно просил мать передать ему «такого-разедакого масла»¹⁴. Дипломаты пересказывают байку о близорукой королеве, вопрошающей республиканского посла о здоровье его короля¹⁵ и т. д.

Подведем теперь итоги. Я допускаю, что когда индивид появляется перед другими, у него возникает множе-

¹² Goffman E. Communication conduct in an island community. P. 319—327.

¹³ Blau P. Dynamics of bureaucracy / Ph.D. dissertation. Department of Sociology. Columbia University. University of Chicago Press, 1955. P. 127—129.

¹⁴ Beattie W. M. (jr.). The merchant seaman / Unpublished M. A. report. Department of Sociology. University of Chicago, 1950. P. 35.

¹⁵ Ponsoby F. Recollections of three reigns. L.: Eyre & Spottiswoode, 1951.

ство мотивов для попыток контролировать впечатление, которое они получают из наблюдаемой ситуации. В этой книге исследуются некоторые из общепринятых приемов, применяемых людьми для поддержания таких впечатлений, и некоторые обычные возможности применения этих приемов. Конкретное содержание любой деятельности отдельного участника, или роль, которую оно играет во взаимозависимых видах деятельности работающей социальной системы, в ней не обсуждаются. Меня интересуют лишь драматургические проблемы участника, представляющего свою деятельность другим. Проблемы, решаемые с помощью сценического мастерства и сценической режиссуры, иногда тривиальны, но очень распространены. По-видимому, сценические задачи встречаются в социальной жизни на каждом шагу, обеспечивая тем самым четкую путеводную нить для формального социологического анализа.

Уместно закончить это введение несколькими определениями, которые подразумевались в предыдущем и понадобятся в будущем изложении. Для целей этого исследования достаточно приблизительного общего определения взаимодействия (точнее, взаимодействия лицом-к-лицу) как взаимного влияния индивидов на действия друг друга в условиях непосредственного физического присутствия всех участников. *Единичное взаимодействие* можно определить как все проявления взаимодействия в каком-нибудь одном эпизоде, во время которого данное множество индивидов непрерывно находилось в присутствии друг друга. К характеристике такого взаимодействия так же хорошо подошел бы термин «контакт». «Исполнение» (или «выступление») можно определить как все проявления деятельности данного участника в данном эпизоде, которые любым образом влияют на любых других участников взаимодействия. Взяв одного конкретного участника и его исполнение за базисную точку отсчета, можно определить другие категории исполнителей как публику, аудиторию, наблюдателей или соучастников. Преустановленный образец действия, который раскрывается в ходе какого-нибудь исполнения и который может быть исполнен или сыгран и в других случаях, можно

обозначить терминами «партия» или «рутина»¹⁶. Эти ситуационные термины легко связать с общепринятыми структурными. Когда индивид или «исполнитель» в разных обстоятельствах играет одну и ту же партию перед одной и той же аудиторией, тогда, вероятно, имеет смысл говорить о возникновении «социального отношения». Определив «социальную роль» как свод прав и обязанностей, сопряженных с данным статусом, можно утверждать, что одна социальная роль способна включать больше чем одну партию и что каждую из этих различных партий исполнитель может представлять в ряде случаев одним и тем же типам аудитории или аудитории, состоящей из одних и тех же лиц.

¹⁶ См. комментарии в книге Ноймана и Morgenштерна о важности различения рутины взаимодействия и любого конкретного случая, когда эта рутинa специально разыгрывается: *Neumann J. von, Morgenstern O. The theory of games and economic behavior*. Princeton University Press, 1947. P. 49.

рых при том же социальном переднем плане используется иной набор. Так, юрист может беседовать с клиентом в социальной обстановке, которую он устраивает только для этой цели (или для изучения клиента), но подходящую для таких случаев одежду он будет подбирать еще и с расчетом, чтобы она равно годилась для обеда с коллегами и для посещения театра с женой. Подобно этому, гравюры, развешанные на стенах, и ковер на полу могут встречаться и в церемонии домашних приемов. Разумеется, в случаях высоко торжественных церемоний все элементы — обстановка, манеры и внешний вид — могут быть уникальными и особенными, используемыми только для исполнения единственного типа рутины, но такое исключительное использование знакового снаряжения оказывается именно исключением, а не правилом.

ТЕАТРАЛЬНОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ

В присутствии других индивид, как правило, сопровождает свои действия знаками, которые живо изображают и высвечивают подкрепляющие его образ факты, иначе, возможно, оставшиеся бы незамеченными или смутными. Ибо деятельность индивида станет значимой для других, только если *на протяжении всего взаимодействия* его действия будут выражать именно то, что он хочет передать и внушить другим. В жизни исполнителю может понадобиться полностью проявить свои заявленные способности не только за время взаимодействия в целом, но и за долю секунды в этом взаимодействии. Так, если судья в бейсболе хочет создать впечатление уверенности в своем решении, он должен поступиться реальной длительностью размышления, необходимой для полной уверенности, и выдать мгновенное решение, убеждающее публику в твердости и верности его позиции¹⁷.

Для индивидов некоторых социальных статусов театрализация не составляет проблемы, поскольку какие-то действия, инструментально важные для выполнения центральной задачи этого статуса, в то же время способны превосходно (с точки зрения коммуникации) передавать

¹⁷ Pinelli B. Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 75.

информацию о качествах и свойствах, на какие претендует исполнитель лично. В этом отношении характерны роли профессиональных боксеров, хирургов, скрипачей, полицейских. Эти виды деятельности дают так много возможностей для самовыражения, что образцовые (реально или фиктивно) исполнители становятся знаменитыми и занимают особое место в коммерчески организованных фантазиях нации.

Но во многих случаях театрализация собственной работы оказывается проблемой. Иллюстрацию этому можно взять из одного исследования работы больниц, показавшего, что у медсестер общего профиля есть проблемы, которых нет у хирургических сестер:

Послеоперационный уход, который обеспечивает сестра в хирургическом отделении, очень часто признается важным делом даже пациентами, чуждыми медицине. Например, видя как сестра меняет повязки, настраивает ортопедические аппараты, пациент может оценить, насколько полезна ее деятельность. Даже если она не находится рядом с ним, он все же уважает ее целеустремленные хлопоты.

Профессия терапевтической медицинской сестры — это тоже высоко квалифицированный труд... Диагноз врача-терапевта все время вынужден опираться на тщательное наблюдение симптомов там, где хирург большей частью зависит от ясно видимых явлений. Недостаток наблюдательности создает проблемы для медсестры. Пациент не раз может видеть, как его медсестра стоит у соседней кровати и минуту-другую болтает с другим больным. Он не знает, что в это время она отмечает затрудненность дыхания, цвет и тон кожных покровов. Он полагает, что сестра навещает больного просто из праздности. Увы, так же думает и его семья, которая на этом основании может заключить, что роль этих сестер малозначительна. Если пациент считает, что медсестра проводит больше времени у соседней кровати, чем у его, то он обижается... Сестры, по его мнению, «зря растрачивают время», если не кидаются стрелой делать что-нибудь осязаемое, наглядное, вроде подкожных впрыскиваний¹⁸.

Сходным образом, владельцу похоронного заведения может быть затруднительно красочно показать клиентам все, что фактически делается для них, потому что клиенты не способны «разглядеть» накладные расходы при про-

¹⁸ Lentz E. A comparison of medical and surgical floors / Mimco: New York State School of Industrial and Labor Relations. Cornell University, 1954. P. 2—3.

изводстве данной услуги. Поэтому предприниматели вынуждены взвешивать большую часть расходов на самый наглядный свой «продукт» — гроб, ныне поневоле превращенный во внушительный саркофаг, — ибо другие издержки на проведение похорон не так легко продемонстрировать клиентам¹⁹. Коммерсанты тоже считают, что за вещи, которые не выглядят дешевыми, следует назначать высокие цены, чтобы компенсировать невидимые покупателям затраты, связанные со страхованием, периодами застоя в делах и т. д.

Проблема театрализации собственной работы включает нечто большее, чем простое представление невидимых издержек в наглядной форме. Эта работа, обязательная для лиц, занимающих определенный статус, зачастую бедна средствами для выражения желаемого смысла, так что если некто и захочет по-театральному живо передать характер своей роли, ему придется потратить на это немалое количество своей энергии. Такая деятельность по совершенствованию коммуникации часто требует качеств, контрастирующих с театрализуемыми ролями. К примеру, для создания в доме обстановки спокойной, сдержанного достоинства хозяйню дома может быть придется суетливо бегать по аукционным распродажам, торговаться с антикварами и упорно прочесывать все местные магазинчики в поисках подходящих обоев и драпировок. Для подготовки радиобеседы, которая задумана как стихийно-неофициальная, естественная и непринужденная, ведущему, очень возможно, придется прописать свой сценарий особенно подробно и протопливо, выверяя фразу за фразой, чтобы без ошибок следовать содержанию, языку, ритму и темпу обыденных разговоров²⁰. Точно так же, модель журнала «Vogue» вполне способна позой, одеянием и выражением лица живо изобразить утонченное понимание книги, с которой в руках она снималась. Но в действительности женщины, стремящиеся к совершенству самовыражения в роли

¹⁹ Сведения о похоронном бизнесе, использованные в данной книге, взяты из неопубликованной докторской диссертации Р. Хабенштейна: *Habenstein R. W. The American funeral director / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology University of Chicago, 1954.*

²⁰ *Hilton J. Calculated spontaneity // Oxford Book of English Talk. Oxford: Clarendon Press, 1953. P. 399—404.*

фото модели обычно имеют на чтение очень мало времени и сил. Как говорил применительно к подобному случаю Ж.-П. Сартр: «Внимательный ученик, который очень хочет *быть* внимательным, с глазами, прикованными к учителю, с отверстыми ушами, до того истощает себя, играя роль внимательного, что кончает полной невосприимчивостью к словам учителя»²¹.

И потому перед людьми часто встает дилемма: либо внешнее выражение действия, либо содержание самого действия. Тому, у кого есть время и талант хорошо выполнить свою задачу, именно поэтому может не хватить времени или таланта на демонстрацию другим, насколько хорошо он это делает. К слову сказать, некоторые организации разрешают эту дилемму, официально передоверяя театральную-представительскую функцию специалисту, который тратит все свое время на толкование и показ другим смысла задачи и не имеет времени на реальное ее исполнение.

Если на миг изменить систему координат, перейдя от конкретного исполнения как точки отсчета к индивидам, представляющим это исполнение, то можно увидеть интересную особенность того круга различных рутинных партий, исполнение которых обслуживает какая-то группа или класс индивидов. Если внимательно изучить такую группу или класс, можно обнаружить, что члены ее или его склонны связывать свое самолюбие, личную самооценку, свое *«я»*, в основном, со вполне определенными рутинными партиями, придавая гораздо меньшее значение другим партиям, которые они исполняют. Так, некий профессионал может довольствоваться очень скромной ролью на улице, в магазине или в своем доме, но в той социальной сфере, где происходит показ его профессиональной состоятельности, он обычно намного сильнее заинтересован в своем успешном выступлении. Внутренне мобилизуясь для этого, профессионал будет заниматься не столько полным репертуаром исполняемых им партий, сколько той одной, от которой зависит его профессиональная репутация. Именно в этом пункте некоторые авторы ищут отличия групп с аристократическими привычками (как бы ни был их со-

циальный статус) от групп с характеристиками среднего класса. Говорят, что аристократические привычки проявляются во всех мелочах жизни, которые выпадают из круга серьезных специальных занятий других классов, и вносят в эти мелочи особое достоинство властного характера и высокого положения.

Какими же важными достоинствами знатный молодой человек учится поддерживать величие своего титула и показывать себя заслуживающим той высоты превосходства над своими согражданами, на которую вознесла его доблесть предков: знаниями ли, или трудолюбием, или терпением, или самопожертвованием, или какой-либо иной добродетелью? Поскольку ко всем его словам, ко всем его движениям приковано внимание ближних, он привыкает заботиться о каждой мелочи обыденного поведения и приучается исполнять все мелкие житейские обязанности как можно точнее. Поскольку он сознает, как пристально за ним наблюдают и как много людей готовы благосклонно принимать все его увлечения, он действует, по самым незначительным поводам, с такими свободой и подъемом, какие естественно внушает сама мысль об этом. Весь его вид, его манеры, его поведение проникнуты тем утонченным и изящным чувством собственного превосходства, какое вряд ли способен когда-либо приобрести рожденные в низких общественных состояниях. Таково то искусство вести себя, благодаря которому он полагает возможным заставить людей с меньшим сопротивлением покоряться своему авторитету и управлять их склонностями к собственному удовольствию — и в этом ожидании он редко обманывается. Этого искусства, поддерживаемого титулом и наследственными преимуществами, при обыкновенных обстоятельствах достаточно, чтобы править миром²².

Если действительно существуют такие виртуозы житейского поведения, то они образовали бы вполне подходящую группу для изучения техники превращения нашей деятельности в спектакль.

ИДЕАЛИЗАЦИЯ

Как было сказано ранее, всякое исполнение рутинной партии заявляет своим представительским передним планом некоторые весьма абстрактные притязания на часть аудитории — притязания, которые, вероятно, будут предъ-

²¹ Sartre J.-P. Being and nothingness. L.: Methuen, 1957.

²² South A. The theory of moral sentiments. L.: Henry Bohn, 1853. P. 75.

явлены этим людям во время исполнения и других рутин. Таков один путь, каким исполнение «социализируется», формируется и подгоняется под понимание и ожидания общества, в котором оно протекает. Рассмотрим и другой важный аспект этого процесса социализации — тенденцию исполнителей внушать своим зрителям идеализированное по нескольким различным параметрам впечатлительное.

Идея, что всякое исполнение отражает идеализированное видение ситуации, конечно, весьма распространена. В качестве иллюстрации можно взять точку зрения Ч. Х. Кули:

Если бы люди никогда не пытались казаться хоть немного лучше, чем они есть, как могли бы мы совершенствоваться или «учиться на внешних проявлениях внутреннего мира человека»? То же стремление показывать себя исключительно с лучшей или идеализированной стороны находит организованное выражение в поведении различных профессиональных групп и классов, из которых каждая категория принимает какую-то до известной степени лицемерную позу, по большей части бессознательно усваиваемую ее членами, но имеющую характер заговора с целью воздействовать на доверчивость остального мира. Лицемерие существует не только в теологии и филантропии, но и в сферах права, медицины, преподавания, даже науки — возможно, именно в наши дни особенно в науке, поскольку чем прочнее общественное признание и уважение определенного рода заслуг, тем вероятнее, что их будут притворно изображать ничего не значащими пустяками²³.

Таким образом, когда индивид представляет себя перед другими, его «исполнение» будет реально проявлять тенденцию к воплощению и подтверждению собственным примером общепринятых ценностей данного общества в гораздо большей мере, чем это делает его поведение в целом.

В той мере в какой исполнение выдвигает на первый план общепринятые официальные ценности того общества, в котором оно осуществляется, можно, по образцу Э. Дюркгейма и А. Р. Радклифф-Брауна, смотреть на это исполнение как на церемонию экспрессивного обновления и повторного подтверждения моральных ценностей данного человеческого сообщества. Более того, поскольку этот экс-

²³ Cooley Ch.H. Human nature and the social order. N.Y. Scribner's, 1922. P. 352—353.

прессивный уклон в исполнениях начинает восприниматься как реальность, постольку исполнение, которое в данный момент принимают как реальность, будет приобретать некоторые характеристики праздничной церемонии. Оставаться посторонним в помещении, где идет вечеринка или прием клиента, значит оставаться в стороне от творимой реальности момента. Поистине вся жизнь — это церемониальное действо.

Один из богатейших источников данных о представлении перед другими идеализированных исполнений предлагает нам литература по социальной мобильности. По видимому, в большинстве обществ есть главная или общая система стратификации, а в большинстве стратифицированных обществ существует некоторая идеализация высших слоев и определенное стремление части людей продвигнуться с низших позиций на более высокие. (Здесь следует учесть, что это стремление содержит не просто желание заполучить престижное место, но и желание приблизиться к священному средоточию общепринятых ценностей общества.) Обычно продвижение вверх требует представления себя соответствующими действиями, исполнениями определенных партий, а усилия продвигнуться так же как и усилия удержаться от скатывания вниз выражаются в жертвах, сделанных ради поддержания своего представительского переднего плана, своей парадной вывески. Как только действующим лицом достигнут надлежащий уровень знакового снаряжения и свободного владения им, это снаряжение может быть использовано для разукрашивания ежедневных исполнений в том стиле, который предпочтителен в данной социальной среде.

Возможно, самую важную часть знакового снаряжения того или иного социального класса, составляют статусные символы, через которые выражается материальное благосостояние. В этом отношении американское общество похоже на другие, но, кажется, заслуживает выделения как крайний пример существования ориентированной на благосостояние классовой структуры — возможно потому, что в Америке широко распространено снисходительное попустительство злоупотреблению символами богатства и финансовой состоятельности. Индийское общество, напротив, нередко описывали не только как общество, в котором

социальное продвижение осуществляется и оценивается в характеристиках кастовых групп, а не индивидов, но и как общество, в котором люди склонны в исполнениях своих действий придерживаться предпочтительно нематериальных ценностей и притязаний. Один из исследователей Индии, например, высказался об этом так:

Кастовая система далека от модели жесткой системы, где положение каждой ее составляющей закреплено навечно. Движение всегда было возможно, и особенно — на средних ступенях иерархии. Какая-нибудь низшая каста через одно или два поколения имела возможность подняться на более высокую позицию в иерархии, практика вегетарианство и воздержание и санскритизируя свои ритуалы и пантеон богов. Короче говоря, такая каста, насколько возможно, перенимала обычаи, ритуалы и верования брахманов, и принятие брахманского образа жизни той или иной низшей кастой, по-видимому, было частым, хотя теоретически запретным явлением...

Стремление низших каст подражать высшей было мощным фактором в распространении санскритских ритуалов и обычаев, а также в достижении определенного уровня культурной однородности не только в масштабе касты, но и по всей Индии²⁴.

Конечно, в действительности есть много индуистских групп, члены которых эгоистически заинтересованы во внесении знаков богатства, роскоши и высокого классового статуса в исполнение своих повседневных дел и слишком мало думают об аскетической чистоте, чтобы бояться повредить ей. Соответственно, в кичащейся богатством Америке всегда были влиятельные группы, члены которых чувствовали, что каждое исполнение определенных действий в каком-то отношении обязано приглушать внешние выражения атрибутов чистого богатства, чтобы поддерживать впечатление о преобладании в их жизни стандартов породы, культуры или моральной серьезности.

Возможно, из-за ориентации на продвижение вверх, наблюдаемой сегодня в ведущих обществах, люди склонны думать, что подчеркнутая выразительность исполнения обязательно требует от исполнителя каких-то проявлений в поведении более высокого классового статуса, чем был свойствен ему в обычных обстоятельствах. К при-

²⁴ Srinivas M. N. Religion and society among the coorgs of South India. Oxford: Oxford University Press, 1952. P. 30.

меру, вряд ли кого-либо удивят следующие подробности домашних «исполнений» из прошлого Шотландии:

Одно совершенно ясно: средний помещик и его семья в обычное время жили гораздо скромнее, чем когда они принимали гостей. Лишь тогда они поднимались до высоты большого события и подавали блюда, напоминавшие о пирах средневековой знати. Но подобно тем же былым нобилем, между пиршествами они, так сказать, «вели секретное домашнее хозяйство» и держали самый простой стол. Этот секрет хорошо охранялся. Даже Эдуард Бёрт, при всем его знании шотландских горцев, очень затруднялся описать их повседневную пищу. Все, что он мог сказать определенно, сводилось к тому, что когда бы они ни принимали гостя-англичанина, они предлагали ему слишком много еды. И он заметил по этому поводу: «Там часто говорят, что шотландский лаэрд скорее ограбит всех своих арендаторов, чем позволит англичанам плохо подумать о его умении вести хозяйство. Но я слышал от многих, что... хотя за обедом таким помещикам прислуживали пять или шесть человек, они, при всем при том, часто вкушали овсянку в разных видах, селедку или другую такую же посредственную и дешевую пищу»²⁵.

В жизни, однако, разные классы людей имели в прошлом множество причин для систематического культивирования скромности и приглушения всяческих проявлений богатства, выдающихся способностей, духовной силы или самоуважения.

Детскую наивность, безделье, беззаботность и другие черты поведения, которые негры в южных штатах иногда почитали своей обязанностью демонстрировать во взаимодействии с белыми, показывают, как исполнение может преувеличивать ценностные идеалы, придающие исполнителю более низкую позицию, чем та, на которой он втайне видит себя. Вот современная версия подобного маскарада:

Там, где существует реальная борьба за работу выше уровня неквалифицированных занятий, обычно воспринимаемую как «работа для белых», некоторые негры по собственной воле будут принимать символы пониженного статуса, фактически исполняя работу человека более высокого ранга. Так, негр-экспедитор может согласиться на звание и зарплату рассыльного, мидеэстра позволит называть себя простой сиделкой, а мастер

²⁵ Platt M. The domestic life of Scotland in the Eighteenth century. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1952. P. 96—97.

педикюра будет посещать дома белых сограждан поздним вечером с заднего крыльца²⁶.

Американские студентки преуменьшали, преуменьшают и, без сомнения, будут преуменьшать и впредь свой ум, способности и решительность в присутствии парней-ровесников, тем самым проявляя глубокую психологическую самодисциплину, несмотря на их международную репутацию легкомысленных созданий²⁷. Сообщают, что эти исполнительницы житейских ролей позволяют своим «мальчикам» нудно разъяснять уже известные им вещи, скрывают действительный уровень владения математикой от своих менее способных партнеров и проигрывают в настольный теннис под самый конец партии. Вот пример исполнения этого девичьего арсенала:

Один из самых простых и изысканных приемов — изредка писать или выговаривать длинные слова неправильно. Кажется, мой парень от этого тащится, потому что с удовольствием поправляет меня в письме: «Милая, ты явно не знаешь, как пишется это слово»²⁸.

Благодаря всем этим приемам доказывається «естественное превосходство» мужчины и подтверждается привычная роль женщины как представительницы слабого пола.

О подобной маскировке рассказывали мне и жители одного из Шетландских островов: их деды имели обыкновение воздерживаться от улучшения внешнего вида своих домов, чтобы лорд-земледелец не воспринял такое улучшение как сигнал о возможности вытратить из них повышенную арендную плату. Эта традиция отчасти нашла продолжение в спектаклях нищеты, иногда разыгрываемых перед шетландским чиновником, принимающим решения об оказании материальной помощи. Еще характернее, что на островах есть мужчины, которые давно расстались с традиционным жребием островитянина — фермерством ради пропитания и суровым образом жизни с нескончаемой работой, минимумом удобств и рыбно-картофельной диетой. И все-таки эти люди на публике часто носят кожаную куртку на шерстяной подкладке и резино-

вые сапоги, что воспринимается как общеизвестный статусный символ фермера-арендатора. Они представляют себя местному обществу как «настоящих мужиков», которые верны социальному статусу своих собратьев-островитян. Эта «партия» разыгрывается со всей искренностью, душевной теплотой, употреблением соответствующего диалекта и большим самоконтролем. Однако в уединении на собственных кухнях эти «мужики» позволяют себе расслабиться и насладиться некоторыми современными удобствами из обихода среднего класса, к которым уже привыкли.

Негативная идеализация того же рода была в ходу в Америке во время великой депрессии 1929—1930 гг., когда нередко нищета семьи утрированно демонстрировалась перед обследующими ее работниками социального обеспечения и благотворительных организаций, тем подтверждая мнение, что везде, где для назначения социальных пособий проводится проверка доходов, там, скорее всего, появится и спектакль нищеты.

В этой связи некоторые интересные случаи из своего опыта сообщает обследовательница материального положения семей для одного из правительственных департаментов. Она итальянка, но белокожая и светловолосая, совершенно не похожая на итальянку. Ее главной задачей было обследование итальянских семей, получающих пособие по безработице от федеральных властей. То обстоятельство, что она не выглядела как итальянка, позволило ей с избытком насладиться не предназначенных для посторонних ушей разговоров по-итальянски, раскрывающих отношение клиентов к этому вспомоществованию. Например, во время собеседования в гостинице мать семейства зовет ребенка, чтобы тот предстал перед обследовательницей, но при этом велит ему надеть сперва старые башмаки. В другом случае можно услышать, как мать или отец просят кого-то за дверь убирать с глаз долой вино или еду, прежде чем впустить обследовательницу в дом²⁹.

Еще один пример из недавнего исследования поведения сборщиков утиля говорит о том же типе удобного для них впечатления о своем деле, навязываемого другим:

...Старьевщик жизненно заинтересован в сокращении информации об истинной стоимости «старья» от широкой публики. Он хотел бы увековечить миф, будто утиль ничего не стоит, а

²⁹ Bakke E. W. The unemployed worker. New Haven: Yale University Press, 1940. P. 371.

²⁶ Johnson Ch. Patterns of Negro segregation. N. Y.: Harper Bros., 1943. P. 273.

²⁷ Komarovskiy M. Cultural contributions and sex roles // American Journal of Sociology. Vol. 52. P. 186—188.

²⁸ Ibid. P. 187.

те, кто занимается им, — это выбитые из колеи люди, которых надо пожалеть³⁰.

В подобных представлениях нужен момент идеализации, потому что для успеха исполнитель должен предлагать публике инсценировку, использующую все накопленные у зрителей стереотипы крайней нищеты и несчастья.

Из таких идеализированных рутинных партий, возможно, ни одна их разновидность не обладает такой привлекательностью для социолога как «исполнения» уличных бродяг. В западном обществе, однако, по сравнению с началом этого столетия сцены, которые ставят бродяги, по-видимому, много потеряли в своей театральности. Сегодня гораздо реже можно услышать о картинном представлении «достойной бедности» или «приличной семье», в котором семья выступает в заплатанных, но неправдоподобно чистых одеждах, а лица детей сияют от слоя мыла, отполированного мягкой тряпкой. Больше не увидишь представлений, в которых полуголый дядя давится грязной коркой хлеба, и, кажется, не в силах проглотить ее из-за крайней слабости, или сцен, в которых оборванный мужчина отгоняет воробья от куска хлеба, медленно обчищает его рукавом пальто и, по виду не сознавая присутствия собравшейся вокруг него публики, начинает его жевать. Редким стал и «стыдящийся бродяга», кроткий умоляющий взгляд которого без слов говорит о тонкой чувствительной натуре, не позволяющей ему просить у прохожих милостыню. Между прочим, сценки, исполняемые бродягами, люди называют очень разнообразно: попрошайничество, афера, охмуреж, вымогательство, ловля на живца, мошенничество, одурачивание и т. п. — слова, которые подходят для описания исполнений больше в юридических категориях законности, чем в категориях искусства³¹.

Если индивид хочет довести свое исполнение до идеального образца, тогда ему придется воздерживаться или скрывать действия, несовместимые с этим идеалом. Когда, как часто случается, это неправильное поведение само по себе приносит удовлетворение, то обычно его позволя-

³⁰ Ralph J. B. The Junk business and the junk peddler / Unpublished M.A. report Department of sociology, University of Chicago, 1950. P. 26.

³¹ Mayhew H. London labour and the London poor. 4 vols. Vol. 1. L.: Griffin. Bohn. 1861. P. 415—417. Vol. 4, 1862. P. 404—438.

ют себе тайне, ухитряясь таким образом и изобразить воздержание от поедания пирога и попробовать его. Например, в американском обществе восьмилетние дети часто заявляют об отсутствии интереса к телепрограммам для детей и шестилетних, но нередко тайком смотрят эти программы³². Известно также, что домашние хозяйки из среднего класса пользуются (тоже тайком) дешевыми заменителями кофе, мороженого или масла. Таким путем они имеют возможность экономить деньги, или усилия, или время и при этом поддерживать впечатление, будто приготавливаемая ими пища сплошь самого высокого качества³³. Одни и те же женщины могут держать на журнальном столике в гостиной «Saturday Evening Post» и прятать в своей спальне дамский роман серии «Подлинные любовные истории» (из тех, что «должно быть, забыла наша уборщица»)³⁴. Не раз писали, что аналогичное поведение, которое допустимо назвать «секретным потреблением», можно обнаружить среди индуистов:

Когда их видят другие, они подчиняются всем своим обычаям, но в уединении их поведение не так безупречно³⁵.

Я получил достоверную информацию, что некоторые брахманы, работающие в небольших компаниях, тайно посещали дома Шудра, от которых они зависели, и без всяких угрызений совести потребляли мясо и крепкие напитки³⁶.

Тайное потребление опьяняющих напитков встречается еще чаще чем потребление запретной пищи, так как первое легче скрыть. И все же это вещь неслыханная — встретить пьяного брахмана на людях³⁷.

Можно добавить, что сексологические обследования под руководством А. Кинси придали новую энергию изучению и анализу секретного потребления³⁸.

³² Неопубликованные отчеты корпорации «Социальные исследования» в Чикаго. Выражаю благодарность корпорации за разрешение использовать эти и другие данные из ее отчетов.

³³ Там же.

³⁴ Сведения из доклада профессора Чикагского университета У. Уорнера, сделанного на семинаре 1951 г.

³⁵ Dubois H.A. Character, manners, and customs of the people of India 2 vols. Philadelphia: M' Carey & Son. 1818. Vol. 1. P. 235.

³⁶ Ibid P. 237.

³⁷ Ibid P. 238.

³⁸ Как настаивал Адам Смит, добродетели тоже могут быть скрываемыми подобно порокам: «Тщеславные люди часто делают вид, будто они

Важно отметить, что когда индивид выступает с каким-то исполнением, он, как правило, скрывает нечто большее, чем неподобающие удовольствия и благоразумные умолчания. Можно привести некоторые из таких скрываемых вещей.

Во-первых, вдобавок к тайным удовольствиям и удобным умолчаниям исполнитель может быть занят неким выгодным делом, скрываемым от глаз аудитории и несовместимым с тем образом своей деятельности, какой он надеется донести до публики. Хрестоматийный образец такого поведения можно обнаружить у продавцов сигар, совмещающих это занятие с букмекерством, но нечто подобное найдется и во многих других местах. На удивление большое число работников, по-видимому, оправдывают для себя привязанность к своим местам работы возможностью красть нужные инструменты, перепродать служебные запасы продовольствия, попутешествовать за счет компании, распространить определенную пропаганду или завязать и соответственно направлять полезные контакты и т. д.³⁹ Во всех таких случаях место работы и официальная деятельность становятся чем-то вроде раковины, которая укрывает самую энергичную часть жизни исполнителя.

Во-вторых, почти неизбежные ошибки и погрешности часто исправляются еще до окончания исполнения, хотя наиболее красноречивые свидетельства совершения этих ошибок и последующего их исправления скрываются. Таким путем исполнители поддерживают впечатление своей непогрешимости, столь важное во многих представлениях себя другим. В частности, об этом говорит известная острота о врачах, которые хоронят свои ошибки. Другой пример содержится в диссертации П. Блау о социальном взаимодействии в трех правительственных учреждениях, в которой утверждается, что чиновники этих учреждений

не чужды модному распутству, которое в глубине души не одобряют и в котором, очень возможно, в действительности неповинны. Они жаждут похвал за то, что про себя не считают достойным хвалы, и стыдятся немодных добродетелей, кои иногда придерживаются втайне и к которым в душе питают известное почтение» (*Smith A. Op cit P 88*).

³⁹ Для обозначения тайных источников дохода работников социальных служб предложен термин «побочная кормушка». См. неопубликованные материалы: *Boganoff E. Glass A. The sociology of the public case worker in an urban area / Unpublished Master's report. Department of sociology. University of Chicago, 1953.*

не любили диктовать доклады стенографистке напрямую, потому что предпочитали заранее пройтись по тексту и исправить ошибки прежде чем их заметит стенографистка, не говоря уж о начальнике⁴⁰.

В-третьих, в тех взаимодействиях, где индивид представляет другим свою продукцию, он обычно предпочтет показать им только конечный результат и тем вынудить их судить о себе на основании чего-то полностью завершенного, отшлифованного и упакованного. В некоторых случаях, когда доводка объекта потребовала незначительных усилий, исполнители будут скрывать этот факт. В других, наоборот, они постараются утаить, сколько утомительных часов уединенного труда понадобилось им на доведение дела до конца. К примеру, вежливо-утонченный стиль некоторых ученых книг полезно сопоставить с нудной, лихорадочно-спешной работой, которую, возможно, пришлось вытерпеть автору, чтобы закончить в срок необходимые указатели к книге, или с оскорбительными пререканиями между ним и издателем по поводу размеров заглавной буквы в фамилии автора на обложке.

Можно добавить и четвертое расхождение между видимостью и полной неприкрашенной действительностью. Вполне правдоподобно, что многие исполнения не состоялись бы вовсе, если бы по ходу дела не решались задачи, не совсем чистоплотные, полузаконные, жестокие или еще как-то иначе предосудительные. Но эти прискорбные факты редко выплывают на свет во время самого исполнения. По словам Хелен Хьюз, люди склонны скрывать от своей аудитории все свидетельства «грязной работы» независимо от того, делается ли эта работа секретно ими самими или поручается доверенному лицу, безличному рынку, признанному или подпольному непризнанному специалисту.

С понятием «грязной работы» тесно связано и пятое расхождение между видимостью исполнения и фактическим его содержанием. Если деятельность какого-то индивида обзана воплощать в себе определенные идеальные стандарты и если ее необходимо показать людям в наилучшем виде, то тогда очень вероятно, что некоторые из этих

⁴⁰ *Blau P. Dynamics of bureaucracy. P. 184.*

стандартов будут выдержаны перед публикой за счет тайного пожертвования какими-то другими нормами. Без сомнения, исполнитель чаще будет поступаться теми нормами, несоблюдение которых легче скрыть, и делать это ради поддержания таких стандартов, отсутствие которых скрыть невозможно. Так, во времена нормированного снабжения, если ресторатор, бакалейщик или мясник захочет сохранить привычную картину разнообразия продуктов и подтвердить свою репутацию в глазах потребителей, то он сможет достичь этого, видимо, только через нелегальные источники снабжения. Точно так же, если об услуге судят по скорости и качеству, то, по всей вероятности, в затруднительных обстоятельствах качеством пожертвуют раньше, чем скоростью, ибо можно скрыть плохое качество, но не медленное исполнение услуги. По тем же причинам, если зрителей в психиатрической лечебнице обязывают поддерживать порядок и одновременно не избивать пациентов, и если такое сочетание нормативных требований оказывается трудноисполнимым, то беспокойного больного могут «повязать» мокрым полотенцем и привести в повиновение другим насильственным способом, который не оставляет видимых следов плохого обращения⁴¹. Можно подделывать неприменение к больным насилия, но не вещественные свидетельства порядка:

Наиболее легко отслеживать соблюдение тех правил, распоряжений и порядков, повиновение или неповиновение которым оставляет материальные свидетельства. Таковы правила относительно уборки больничной палаты, запирания дверей, употребления алкогольных напитков при исполнении служебных обязанностей, применения методов лишения свободы и т. п.⁴².

Забываясь в первую очередь о «видимом», не стоит быть слишком уж большим циником. Часто оказывается, что при достижении главных идеальных целей организации иногда бывает необходимо пренебречь на время другими ее идеалами, в то же время поддерживая впечатление, будто эти другие идеалы все еще в силе. В таких случаях жертвуют не в пользу самого очевидного идеала, а скорее ради сохранения наиболее легитимно важного идеала. Это можно

⁴¹ Willoughby R. II. The attendant in the State Mental Hospital. / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago. 1953. P. 44

⁴² Ibid. P. 45-46.

пояснить примером, взятым из статьи о флотской бюрократии:

Эту характеристику [называемую группой секретность] никак нельзя целиком приписать страху членов данной группы, что выйдут на свет неприятные факты. Хотя такой страх всегда присутствует в практике сокрытия от чужих глаз «интимного портрета» любой бюрократии, навязчивая секретность принадлежит к тем свойствам всякой неформальной структуры как таковой, которые важнее, чем обычно думают. Ибо неформальная структура играет весьма значительную роль в создании *каналов для обхода* формально предписанных правил и процедурных методов. Ни одна организация не может позволить себе обнаруживать свои методы (которыми, это важно отметить, решаются определенные проблемы), прямо противоположные официально санкционированным, а в данном случае — строго санкционированным дорогами группе традициями⁴³.

И, наконец, в жизни достаточно часто встречаются исполнители, активно насаждающие впечатление, что в прошлом у них были какие-то идеальные мотивы для принятия роли, в которой они теперь выступают, что они идеально подходят к этой роли по своим качествам и квалификации и что им не пришлось сносить всяческие оскорбления, унижения и унижения или молчаливо соглашаться на разные сомнительные «дела», чтобы получить данную роль. (Хотя такое общее впечатление священной гармонии между человеком и его работой чаще всего стараются создать у других работники «высоких» профессий, похожее поведение встречается и в менее престижных профессиях.) Для закрепления таких идеальных представлений существует своеобразная «риторика обучения», при помощи которой рабочие союзы, университеты, торговые ассоциации и другие выдающие лицензии учреждения вынуждают практиков глотать мистические пилюли в виде традиционного объема и длительности обучения, отчасти чтобы сохранить свою монополию, а отчасти, чтобы навязать впечатление, будто дипломированный практик — это человек, заново созданный в процессе его обучения и отделенный тем самым от всех прочих людей. Так, о фармацевтах рассказывают, будто они сознают, что четырехлетний университетский курс обучения, требуемый для полу-

⁴³ Page Ch. H. Bureaucracy's other face // Social Forces. Vol. 25. P. 90.

чения лицензии на занятия фармацевтикой, в общем «полезен для профессии», но вместе с тем некоторые из них признают, что практически достаточно всего лишь нескольких месяцев обучения⁴⁴. К этому можно добавить, что во время второй мировой войны в американской армии бесхитростно подошли к таким профессиям как аптекарь и часовщик с чисто прагматических позиций и готовили успешно работавших практиков за пять-шесть недель к ужасу официально признанных членов этих корпораций. По таким же соображениям можно предположить, что клирики, создающие впечатление, будто они пошли в церковь исключительно по зову сердца и призванию, в Америке склонны скрывать свою заинтересованность в социальном продвижении, а в Англии — в том, чтобы не скатиться вниз слишком безнадежно. Вдобавок клирики предпочитают внушать другим, будто они выбрали свои теперешние конгрегации за предложение особо ценных духовных даров, а не потому, как возможно было в действительности, что церковные старосты предложили им хороший дом или полную оплату расходов на переезд. Аналогично, в медицинских учебных заведениях Америки существует тенденция набирать часть своих студентов по признаку этнического происхождения, поскольку пациенты определенно учитывают этот фактор при выборе лечащего врача, но в практическом взаимодействии между докторами и пациентами рекомендуется создавать впечатление, что доктор есть доктор просто в силу его профессиональной пригодности и специального образования. Подобным же образом, руководящие работники часто просто изображают своим видом компетентность и общее владение ситуацией, заставляя себя и других не замечать, что они занимают свои рабочие места отчасти именно потому, что выглядят как руководители, а вовсе не потому, что умеют работать как положено руководителям:

Очень немногие из руководящего персонала понимают, насколько важным может быть их физический облик для работодателя. Эксперт по трудоустройству Анн Хофф делится своими наблюдениями, что работодатели наших дней, видимо, ищут идеальный «голлиудский тип». Одна компания отвергла кандида-

⁴⁴ Weinlein A. Pharmacy as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 89.

та за то, что «у него слишком квадратные зубы», а других браковали потому, что их уши торчали, или что они слишком усердно курили и пили во время ознакомительной беседы. Расовые и религиозные требования к претендентам тоже часто и откровенно выдвигаются работодателями⁴⁵.

Исполнители могут даже пытаться изображать, что их теперешняя представительная сановитость и профессионализм — это нечто такое, чем они обладали всегда, и что им никогда не надо было с трудом продираться через период ученичества. Во всем этом исполнителей могут молчаливо поощрять учреждения, в которых им приходится действовать. Так, многие школы и институты объявляют серьезные вступительные собеседования и экзамены, но в действительности отвергают очень немногих абитуриентов. Психиатрическая больница может обязать своих будущих служителей пройти тест Роршаха и углубленное интервью, но фактически принять всех пришедших наняться на работу⁴⁶.

Достаточно интересен случай, когда присуждение неофициальных квалификаций приобретает характер скандального или политического происшествия. Тогда сколько-то человек, которым хронически не хватало таких неформальных квалификаций, под звуки фанфар могут признать их и придать им очень заметную роль в доказательстве честной игры. Таким образом создается впечатление легитимности этих квалификаций⁴⁷.

Как уже говорилось, исполнитель склонен утаивать или приглушать те мотивы, действия, факты, которые несовместимы с идеализированной версией его самого и продуктов его деятельности. Более того, исполнитель часто внушает своей аудитории убеждение, будто вот сейчас он связан с ней более идеально и интимно, чем всегда. В пояснение можно привести две обобщающие иллюстрации.

Во-первых, люди любят создавать впечатление, что рутинная партия, которую они исполняют в данный момент, — единственная или, по меньшей мере, важнейшая

⁴⁵ Stryker P. How executives get jobs // Fortune. 1953. August. P. 182.

⁴⁶ Willoughby R.H. Op. cit. P. 22—23.

⁴⁷ Kornhauser W. The Negro union official: A study of sponsorship and control // American Journal of Sociology. Vol. 57. P. 443—452. Greer S. Situated pressures and functional role of ethnic labor leaders // Social Forces. Vol. 32. P. 41—45.

из всех. Как сказано ранее, аудитория, в свою очередь, часто довольствуется предположением, будто демонстрируемый перед нею характер — это все чем располагает выступающий перед нею индивид. Реальное же положение дел описано в хорошо известном отрывке из Уильяма Джеймса:

...Практически можно утверждать, что человек имеет столько же разных социальных Я, сколько существует различных групп, состоящих из лиц, чьим мнением он дорожит. Обычно он показывает каждой из этих различных групп разные стороны самого себя. Многие юноши, достаточно скромные в присутствии родителей и учителей, в «крутой» компании друзей-юноцов прыгают и ругаются словно пираты. Мы не показываем себя нашим детям так, как нашим клубным компаньонам; нашим клиентам так, как рабочим, которых мы нанимаем; нашим собственным хозяевам и работодателям так, как нашим близким друзьям⁴⁸.

Вследствие и по причине этой своеобразной соглашательской верности партии, исполняемой в каждый данный момент, происходит «разделение аудитории». Благодаря такому разделению индивид добивается, чтобы при исполнении разных партий в разной обстановке перед ним каждый раз была бы другая аудитория. Разделение аудитории как прием, охраняющий насаждаемые впечатления, будет рассмотрено позже. Пока же заметим, что если даже исполнители попытаются нарушить такое разделение и связанные с ним иллюзии, аудитория очень часто будет этому противодействовать. Конкретная аудитория может усматривать громадную экономию времени и эмоциональной энергии в своем праве воспринимать исполнителя по его номинальной профессиональной стоимости, как если бы исполнитель весь без остатка был только тем, кем его представляет людям деловая униформа⁴⁹. Городская жизнь стала бы невыносимо трудной для многих, если бы каждый контакт между двумя индивидами тянул за собой шлейф взаимных личных переживаний, совместных тревог и секретов. И потому, если мужчина хочет просто пообедать в покое, он, возможно, предпочтет услуги официанта, а не жены.

⁴⁸ Flounoy T. The philosophy of William James / Authorized translation by W. James (jr.) L.: Constable, 1917.

⁴⁹ Я благодарен Уоррену Питерсону за это и другие соображения.

Во-вторых, исполнители предпочитают внушать всем впечатление, будто их сегодняшнее исполнение своей рутинной партии и их отношение к своей сегодняшней аудитории имеют в себе нечто особенное и уникальное. Этим затемняется рутинный характер исполнения (обычно сам исполнитель не сознает, насколько в действительности рутинизированы его поступки) и подчеркиваются спонтанные элементы ситуации. Яркий образец такого поведения показывает исполнитель-медик. Как пишет один автор:

...Он должен симулировать непогрешимую память. Больной, осознающий лишь неповторимую важность событий вокруг и внутри себя, помнит о себе все и при собеседовании с доктором буквально задыхается от «полноты воспоминаний». Больной не может поверить, что доктор не помнит всего как он, и его самолюбие будет жестоко уязвлено, если врач позволит ему заметить, что вовсе не держит в голове какие именно таблетки он прописал при своем последнем посещении больного, сколько надо было их принимать и когда⁵⁰.

Подобно этому, как свидетельствует одно исследование о работе чикагских докторов, врач-терапевт рекомендует больному выбрать лучшего врача-специалиста, приводя чисто технические доводы, но в действительности рекомендация этого специалиста может быть обусловлена, в частности, его дружескими связями с коллегой-терапевтом, либо их сговором о разделе платы за лечение, либо каким-то иным ясно определенным *quid pro quo*⁵¹. В отношениях между двумя медиками⁵¹. В коммерческой жизни такую характеристику исполнений эксплуатировали и поругивали под ярлыком «персональные услуги». В других областях жизни по тому же поводу обычно отпускаются шутки о «постельном искусстве» или о «легкой руке». (Мы часто забываем, что, исполняя роль клиента, сами деликатно поддерживаем эту видимость персонального подхода, пытаясь создать впечатление, будто «не приценивались» к данной услуге и не рассматривали возможность ее получения где-либо еще.) Вероятно, мы сами виноваты, что наше внимание приковано к таким грубым проявлениям псев-

⁵⁰ Joard C. E. M. On doctors // New Statesman and Nation. 1953. 7 March. P. 255—256.

* Одно вместо другого (лат.).

⁵¹ Solomon D. Op cit P. 146.

до-Gemeinschaft'a, хотя едва ли найдется исполнение в какой бы то ни было области жизни, которое не опиралось бы на личную манеру преувеличивать уникальность происходящего между исполнителем и его аудиторией. Например, мы чувствуем легкое разочарование, когда слышим, как наш близкий друг, чьи неподдельные знаки теплоты и приязни мы почитали своим личным кладом, так же интимно беседует с кем-то еще из своих друзей (особенно с тем, кого мы не знаем). Четкое описание этого явления дано в американском руководстве XIX в. по хорошим манерам:

Если вы сделали комплимент какому-нибудь одному человеку или употребили по отношению к нему особенно вежливое выражение, то вы в его присутствии не должны точно так же вести себя в отношении любого другого человека. К примеру, если некий джентльмен посещает ваш дом и вы тепло и заинтересованно говорите ему как «рады его видеть», он, вероятно, будет польщен вашим вниманием и поблагодарит вас. Но если он услышит, как вы то же самое говорите двадцати другим людям, он не только воспримет эту вашу вежливость как ничего не стоящую вещь, но и почувствует некоторую обиду, нанесенную ему вами⁵².

ПОДДЕРЖАНИЕ ЭКСПРЕССИВНОГО КОНТРОЛЯ

Ранее уже говорилось, что исполнитель может надеяться на восприятие своей аудиторией его маленьких реплик-намеков как знаков чего-то очень важного в его выступлении перед нею. Это удобство имеет, однако, одно неудобное следствие. На основании той же самой установки знакового восприятия, аудитория может ложно понять значение поданной реплики или намека либо углядеть нескромный смысл в жестах и событиях, бывших несущественными, неумышленными или случайными со стороны исполнителя, который вообще не намеревался вкладывать в них какое-либо значение.

В ответ на эти возможные случайности коммуникации исполнители обычно пытаются практиковать своего рода синекдохическую ответственность, добиваясь, чтобы как

⁵² The canons of good breeding: Or the handbook of the man of fashion. Philadelphia: Lee & Blanchard, 1839. P. 87.

ГЛАВА ВТОРАЯ КОМАНДЫ

Размышляя о сущности исполнения, легко сбиться на предположение, будто содержание представления себя другим попросту является экспрессивным расширением личных характеристик исполнителя, и далее рассматривать функцию каждого конкретного исполнения в этих личных категориях. Такой взгляд ограничен и может затенить важные различия в функциональном значении того или иного исполнения для взаимодействия как целого.

Во-первых, часто случается, что данное исполнение служит, главным образом, выражению характеристик исполняемой задачи, а не характеристик исполнителя. Так, служебный персонал, будь то в конкретной профессии, бюрократической организации, бизнесе или ремесле, обычно охотно оживляет свою манеру поведения выразительными позами и телодвижениями, говораниями о профессиональном умении и честности, но, как бы много это поведение ни сообщало о самих людях, часто его главная цель — утвердить в публике благоприятное мнение об их службе или о производимом продукте. Далее, нередко бывает, что личный передний план исполнителя разрабатывается не столько потому, что он позволяет ему представлять в желанном виде именно себя, сколько потому, что его внешность и поведение могут быть полезны для выступления на более обширной сцене. В свете сказанного можно понять, почему сортировочное сито городской жизни отбирает на должности секретарей по приему посетителей девушек с хорошо ухоженной внешностью и правильным произношением, ибо на этом месте они могут представлять передний план организации так же хорошо, как и самих себя.

Но важнее всего то, что обычно определение ситуации каким-то конкретным участником, есть неотъемлемая часть определения, создаваемого и поддерживаемого совместными усилиями нескольких или многих участников. Например, в больнице два штатных терапевта могут потребовать от врача-стажера в качестве элемента его учебной практики ежедневно просматривать графики состояния какому-нибудь пациента с изложением своего мнения по каждому их пункту. При этом стажер может не понять, что вынужденный спектакль его относительного невежества отчасти подстроен самим штатным персоналом, который тщательно изучает все эти графики заблаговременно. И уж тем более ему трудно догадаться, что такое впечатление о нем вдвойне усилено молчаливым соглашением местной команды поручать разработку половины графиков одному штатному работнику, а второй половины — другому¹. Эта работа командой обеспечивает штатному персоналу хорошую возможность показать свой товар лицом (при условии, конечно, что нужный специалист в нужный момент способен подменить другого в допросе стажера).

Боле того, часто случается так, что каждому члену такой группы или состава игроков для создания удовлетворительного общекомандного впечатления скорее всего надо будет выглядеть по-разному. Так, если в семейном доме устраивается официальный прием, то потребуются кто-то в униформе или либрее в качестве участника рабочей команды. Индивид, играющий эту роль, должен пригнеть к себе социальное определение домашней прислуги. В то же время женщина в роли хозяйки дома вынуждена принять и поддерживать своим внешним видом и манерами социальное определение поведения персонажа, которому естественно и привычно пользоваться услугами челяди. Такой расклад в яркой форме автору пришлось наблюдать в островном отеле для туристов (который впрямь будет называться «Шетланд-отель»). Там общее впечатление о качестве обслуживания на уровне требований средних классов было достигнуто управляющими благодаря удачному распределению ролей, где себе они взяли роли хозяйина и

¹ Неопубликованное исследование автора о медицинском обслуживании.

хозяйки дома из среднего класса, а своим наемникам ответили роль служанок-горничных, хотя в понятиях местной классовой структуры девушки, работавшие горничными, имели несколько более высокий статус, чем нанятые их владельцы отеля. Когда постояльцев в нем не было, девушки мало считались с такой ерундой как статусные различия между горничной и хозяйкой. Другой пример можно взять из семейной жизни средних классов. В американском обществе, когда муж и жена появляются перед новыми друзьями на ознакомительной вечеринке, жена, вероятно, будет демонстрировать больше уважительного подчинения воле и мнения мужа, чем это обычно бывает наедине с ним или при старых друзьях. Если она напускает на себя роль пассивно-почтительную, то ему можно принять роль властного мужа, и пока каждый член этой брачной пары играет свою особую роль, данная супружеская команда, как представительная единица, способна поддерживать впечатление, которого ждут от нее новые аудиторы. Еще один пример возьмем из области расового этикета на Юге США. По Чарльзу Джонсону, когда поблизости нет других белых, негр может называть своего белого партнера-рабочего просто по имени, но когда подойдут другие белые, обращение «мистер» само собой восстановится². Этикет деловых отношений дает нам похожий пример:

В присутствии посторонних формально-деловой стиль общения еще более важен. Вы можете весь день называть вашу секретаршу «Мери» и вашего партнера «Джо», но когда в офис приходит чужой, вы обязаны обращаться к своим помощникам так, как должен бы по вашему ожиданию, обращаться к ним величавый незнакомец: мисс или мистер. Вы можете иметь привычку шутить с телефонисткой, но шуткой надо пожертвовать, когда вы делаете вызов в пределах слышимости постороннего³.

Она [ваша секретарша] хочет, чтобы в присутствии незнакомых ее называли мисс или миссис. Ей, по меньшей мере, не понравится, если ваше «Мери» спровоцирует кого-нибудь еще на фамильярное обращение с нею⁴.

В данной книге термин «исполнительная команда» или, короче, «команда» используется для обозначения любого

множества индивидов, сотрудничающих в жизненной постановке какой-либо отдельно взятой рутинной партии.

До сих пор в этой работе основной точкой отсчета было индивидуальное исполнение, а в центре обсуждения были два уровня фактов: первый — индивид и его исполнение и второй — полный состав участников и взаимодействие как целое. Такого подхода, по-видимому, достаточно для изучения определенных видов и сторон взаимодействия. Все, что не укладывается в эти рамки, можно трактовать как разрешимое усложнение задачи. Так, сотрудничество между двумя исполнителями, каждый из которых был якобы целиком поглощен представлением перед другим своего собственного особого исполнения, возможно проанализировать как некий тип тайного сговора или «понимания» без изменения базовой системы отсчета. Однако при исследовании конкретных социальных образований монографическим методом сотрудническая деятельность некоторых участников, судя по всему, слишком важна, чтобы рассматривать ее как простую вариацию прежней задачи. Независимо от того, выступают члены команды с похожими индивидуальными представлениями или с непохожими, но если эти исполнения вместе составляют одно целое, то возникает качественно новое командное впечатление, которое удобно толковать как самостоятельный факт, как факт третьего уровня, расположенного между уровнем индивидуального исполнения и уровнем общего, суммарного взаимодействия всех участников. Можно даже сказать, что если специальный интерес исследователя сосредоточен на изучении управления впечатлениями, изучении возможностей, возникающих в процессе внушения какого-то впечатления, и изучении методик реализации этих возможностей, тогда команда и командное исполнение, вероятнее всего, будут наилучшим выбором в качестве основной точки отсчета⁵. Отправляясь от нее, можно будет в рамках этих понятий освоить и такие ситуации, где взаимодейст-

⁵ Использование «команды» (в противоположность «исполнителю») как базового понятия заимствовано у фон Ноймана, который проанализировал бридж как игру между двумя игроками, каждый из которых в некоторых отношениях имеет две разные индивидуальности, чтобы вести игру (см.: Neumann J. von, Morgenstern O. The theory of games and economic behavior. Princeton University Press, 1947. P. 53).

² Johnson Ch. Patterns of Negro segregation. N. Y. Harper Bros., 1943. P. 137—138.

³ Esquire Etiquette. Philadelphia: Lippincott, 1953. P. 6.

⁴ Ibid. P. 15.

вуют только два лица, описав подобные ситуации как взаимодействие двух команд, в котором каждая команда состоит только из одного члена. (Рассуждая логически, возможно даже утверждать, что предполагаемая аудитория, способная получить самое полное впечатление от особого случая социальной обстановки, где кроме нее нет других присутствующих — это аудитория, созерцающая командное представление, в котором команда не имеет ни одного члена.)

Понятие команды позволяет нам размышлять о любых исполнениях, которые даются одним или более чем одним исполнителем, а также охватывает еще один особый случай. Ранее говорилось, что исполнитель может быть захвачен и обманут своей собственной игрой и в этот момент верить, что насаждаемое им впечатление о реальности — это единственная и подлинная реальность. В таких случаях исполнитель становится своей собственной аудиторией, становится исполнителем и зрителем одного и того же спектакля. Предположительно он внутренне принимает или внедряет в свой мир нормы, которые пытается поддерживать в присутствии других, так что совесть требует от него играть как это принято в данном обществе. Вероятно, индивиду в качестве исполнителя придется скрывать от самого себя в качестве собственной аудитории определенные дискредитирующие факты, которые он неизбежно узнает о своем исполнении. В обиходных понятиях это значит, что в исполнении обязательно найдутся вещи, о которых он знает или только что узнал, но в которых он не пожелает признаться самому себе. В жизни постоянно случается этот замысловатый маневр самообмана. Психоаналитики полагают на этот счет прекарными полевыми данными под рубриками «вытеснение» и «расщепление сознания»⁶.

⁶ Индивидуалистическое мышление склонно трактовать такие процессы как самообман и неискренность в качестве неких характерологических слабостей, рожденных в глубочайших тайниках личности данного индивида. Возможно, было бы лучше начинать анализ подобных процессов извне и потом углубляться во внутренний мир индивида, чем действовать в обратном порядке. Можно принять, что исходным пунктом для всего, что должно прийти позднее, служит индивидуальный исполнитель, утверждающий некое определение ситуации перед аудиторией. Индивид автоматически становится неискренним, когда, сохраняя верность обязательству поддерживать рабочий консенсус, он участвует в разных рутинных или исполняет данную партию перед разными аудиториями. Самооб-

Возможно в этом кроется источник феномена, который когда-то был назван «самодистанцированием», а именно процесса, в ходе которого человек начинает чувствовать отчуждение от самого себя⁷.

Когда исполнитель ведет свою частную деятельность в соответствии с коллективными моральными нормами, он может ассоциировать эти нормы с какой-то референтной группой, тем самым создавая для своей деятельности некую отсутствующую в момент ее осуществления аудиторию. Такая возможность побуждает нас рассмотреть еще одну. Индивид может частным образом придерживаться норм поведения, в которые он лично не верит, сохраняя эти нормы лишь из-за живого чувства соприсутствия невидимой аудитории, которая накажет за отклонения от этих норм. Другими словами, индивид может или стать своей собственной аудиторией, или вообразить аудиторию присутствующей. (Во всем этом нельзя упускать из виду аналитическое различие между понятием команды и понятием индивидуального исполнителя.) Сказанное наводит на мысль, что и команда может ставить представление для аудитории, во плоти не присутствующей. Так, в некоторых психиатрических больницах Америки неостребованным умершим пациентам могут быть устроены похороны на большой земле по относительно полному обряду. И без сомнения, это помогает сохранить минимальные нормы цивилизованных отношений в обстановке, где убогие условия и общее безразличие общества действительно способны угрожать этим нормам. Во всяком случае, когда родственники не являются, больничный священник, больничный устроитель похорон и один-два других служителя сами могут разыграть все похоронные роли и продемонстрировать цивилизованное отношение к смерти исключительно перед лицом мертвого пациента, при полном отсутствии публики.

Очевидно, что в силу самого факта принадлежности к команде между людьми, членами одной команды, возни-

ман можно рассматривать как некий результат вынужденного совмещения в одном и том же человеке двух различных ролей: исполнителя и оценивающей аудитории.

⁷ Mannheim K. Essays on the sociology of culture. L.: Routledge & Kegan Paul. 1956 P. 209.

кает некая важная взаимосвязь. Можно выделить два основных компонента этой взаимосвязи.

Во-первых, надо считаться с тем, что даже в разгар командного исполнения любой член команды способен подвести общий спектакль или навредить ему своим неподходящим поведением. Поэтому каждый участник команды вынужден полагаться на доброжелательное поведение своих соратников, а они, в свою очередь, вынуждены полагаться на него. Тогда волей-неволей устанавливается взаимозависимость, соединяющая друг с другом членов команды. Если они, как это часто случается, имеют разные формальные статусы и ранги в какой-то социальной организации, то взаимозависимость, порождаемая членством в одной команде, по всей вероятности, перечеркнет сложившиеся структурные или социальные разделения в этой организации и тем обеспечит ей новый источник сплочения. Там, где служебные и родословные статусы споспешествуют установлению внутренних перегородок в организации, исполнительские команды могут действовать в обратном направлении, объединяя разделенное.

Во-вторых, очевиден вывод, что если члены одной команды вынуждены сотрудничать в утверждении данного определения ситуации перед своей аудиторией, они едва ли смогут поддерживать соответствующее конкретное впечатление друг перед другом. Сообщники в деле поддержания какой-то конкретной видимости, они вынуждены определять друг друга как «посвященных», как лиц, перед кем невозможно сохранить данный передний план действия. В таком случае, сочленов команды (прямо пропорционально частоте, с какой они действуют как одна команда, и количеству скрываемых элементов представления, попавших в зону их совместной посвященности) начинают связывать законы того, что можно было назвать панибратством или фамильярностью. Среди участников команды права на панибратство (которое может выступать своеобразным видом интимности в отношениях, но без теплоты) не требуют каких-то органичных, медленно развивающихся с течением совместно проводимого времени личных чувств, а скорее предполагают некие формальные отношения, которые автоматически устанавливаются и распространяются, как только человек занимает место в команде.

Предполагая, что почти наверняка участники команды будут связывать друг с другом узы взаимной зависимости и взаимного панибратства, нельзя смешивать тип подобным образом сформированной группы с другими типами групп, такими, как неформальная группа или клика. Участник команды — это некто, от чьего драматургического сотрудничества при вынашивании коллективного определения ситуации зависят какие-то люди. Если даже он ставит себя вне рамок неформальных санкций и настаивает на отказе от данного спектакля или на придании ему какого-то особого поворота, он тем не менее остается частью команды. Фактически, такой участник именно потому и является частью команды, что он способен причинить другим подобные неприятности. Так например, выскочка-обособленец на фабрике, ломающий норму производительности труда, трактуется все-таки как член команды, даже если его производственная активность мешает другим рабочим создавать у окружающих определенное представление о том, что такое тяжелая каждодневная работа. Выскочку могут старательно обходить в качестве объекта дружбы, но его не могут игнорировать в качестве угрозы командному определению ситуации. Подобно этому, на вечеринке вызывающе развязную и доступную девицу, другие присутствующие там девушки могут избегать, но в известных отношениях она остается частью их команды и не может не угрожать определению ситуации, которое они коллективно поддерживают: девица — труднодоступный сексуальный приз, ценная награда. Поэтому, хотя участники команды часто оказываются лицами, которые в порядке самозащиты неформально соглашаются направлять свои усилия в определенное русло и, поступая так, образуют неформальную группу, но это неформальное соглашение не является критерием для определения понятия команды.

Члены неформальной клики (если использовать этот термин для обозначения какого-то малого числа лиц, соединившихся для приумножения в своем кругу неофициальных удовольствий) также могут составлять команду, ибо очень вероятно, что им придется сотрудничать в деликатном сокрытии своей исключительности от некоторых нечленов клики, и в то же время снობистки выставлять эту исключительность перед другими. Существует, однако, важное различие между понятиями «команда» и «клика».

В больших социальных образованиях, индивидов одного статусного уровня связывает факт, что они должны сотрудничать в поддержании определения ситуации по отношению к тем, кто выше и кто ниже их. Отсюда множество людей, возможно, очень разных по существенным характеристикам, и, потому желающих сохранить социальную дистанцию между собой, вдруг обнаруживают себя в отношениях вынужденного панбиатства, характерного для сокомандников, занятых постановкой общего спектакля. Из-за этого малые клики нередко формируются не для того, чтобы продвигать интересы людей, вместе с которыми данный индивид ставит жизненный спектакль, а скорее чтобы оберегать его от нежелательного отождествления с этими людьми. Следовательно, клики зачастую функционируют, чтобы защитить индивида не от лиц других социальных рангов, но от лиц его собственного ранга. И хотя все члены одной клики могут иметь одинаковый статусный уровень, решающим, видимо, остается тот факт, что не все лица одного статуса допускаются в клику⁸.

Следует добавить последнее замечание о том, чем не является команда. Люди могут формально или неформально соединяться в группы действия, чтобы продвигать одинаковые или коллективные цели любыми доступными им средствами. Поскольку они сотрудничают в поддержании данного впечатления, используя этот прием как средство достижения своих целей, постольку они составляют то, что было названо в данном исследовании командой. Но надо полностью уяснить себе, что существует много иных средств кроме средств драматургического сотрудничества, которыми действующая группа способна достигать своих целей. Эти иные средства, такие, как власть принуждения или переговоров, могут быть усилены или ослаблены стратегией манипуляции впечатлениями, но использование силы принуждения или словесного торга обеспечивает какому-то кругу людей источник формирования группы, не связанный с фактом, что в определенных случаях таким об-

⁸ Разумеется, существует много оснований, на которых формируются клики. Эдвард Гресс считал, что клики могут преодолевать обычные возрастные и этнические границы, чтобы сводить вместе людей, которые не кажутся друг другу конкурентами в своей деятельности (*Gress E. Informal relations and the social organization of work in an industrial office* (Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1949).

разом сформированная группа, вполне возможно, будет действовать (в драматургическом смысле) как команда. (Аналогично, индивид, занимающий позицию человека власти или лидера, может увеличивать или уменьшать силу своего воздействия на других степенью убедительности и ответственности его внешности и манеры поведения образу лидера, но этим не утверждается, будто драматургические качества его действия необходимо или даже обычно составляют главную опору его социального положения.)

Если понятие команды применять в качестве базовой точки отсчета, то уместно заново проследить прежние шаги в рассуждениях и заново определить всю систему терминов так, чтобы основной аналитической единицей в ней была команда, а не индивидуальный исполнитель.

Уже говорилось, что цель исполнителя — поддерживать конкретное, частное определение ситуации, представляя этим, так сказать, свою заявку на то, чем является для него реальность. Будучи командой из одного человека, без всяких соратников, которых надо информировать о своем решении, исполнитель способен быстро решить, какую из доступных ему позиций по данному вопросу занять, и затем горячо ввязаться за дело, словно бы его выбор был единственно возможным. Немаловажно, что этот выбор позиции может быть хорошо подогнан к собственной конкретной ситуации и интересам исполнителя.

Когда мы от одночленной команды обратимся к расширенной, изменится сам характер реальности, признаваемой командой. Вместо богатого определения ситуации, реальность может оказаться сведенной к тощей партийной линии, и скорее всего эта линия будет не одинаково близкой разным членам команды. С одной стороны, можно ждать иронических замечаний, которыми некоторые участники команды будут как бы шутя отрицать командную линию, на деле принимая ее всерьез. С другой стороны, появится новый фактор верности своей команде и своим соратникам по ней — обеспечение поддержки общекомандной линии.

По-видимому, всем понятно, что публичные разногласия среди членов команды не только лишают их способности к единству действий, но и осложняют определение реальности, поддерживаемое командой. Для защиты этого

представления о реальности от членов команды может потребоваться способность откладывать публичное принятие определенных личных точек зрения до выработки окончательной позиции команды. И если командная точка зрения однажды была принята, все члены команды обязаны следовать ей. (Здесь не рассматривается вопрос о дозволенной мере «советской самокритики» и о том, кем она дозволяется, перед этапом окончательного обнародования командной позиции.) Пример можно взять из практики государственной службы Великобритании:

В таких комитетах [при кабинете министров] государственные служащие участвуют в дискуссиях и свободно выражают свои взгляды, подчиняясь только одному правилу: не становиться в прямую оппозицию к своему собственному министру. Возможность обнародования такого открытого несогласия возникает очень редко и в принципе не должна возникать: в девяти случаях из десяти министр и государственный служащий, заседающий в комитете вместе с ним, предварительно согласовывают, какую линию отстаивать, а в десятом случае государственный служащий, несогласный со своим министром по конкретному вопросу, не будет допущен на заседание, где этот вопрос должен обсуждаться⁹.

Другую иллюстрацию командного исполнения можно найти в исследовании структуры власти в малом городе Флойда Хантера:

Любого, кто занимается городской общественной работой самого разного масштаба, снова и снова поражает то, что иногда называют «принципом единодушия». Когда лидеры местной общины окончательно сформируют городскую политику, с их стороны появляются прямые требования строгого подчинения дисциплине мнений. Решения обычно принимаются неспешно. За основательного обсуждения большинства проектов до ввода их в действие, как правило, имеется достаточно времени, особенно у руководителей верхнего звена. Для коммунальных проектов истина одна. Когда время дискуссий ушло и линия действий определена, тогда требуется единодушие. На инакомыслящих оказывается давление, и принятому проекту дают ход¹⁰.

Открытое несогласие перед лицом наблюдающей аудитории производит, как говорится, впечатление фальши-

⁹ Dale H. E. The higher civil service of Great Britain. Oxford: Oxford University Press, 1941. P. 141.

¹⁰ Hunter F. Community power structure. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1953. P. 181, а также 118, 212.

вой ноты. Можно показать, что буквальных фальшивых нот избегают по совершенно тем же соображениям, что и фигуральных фальшивых нот: в обоих случаях речь идет о поддержании определения ситуации. Это поясняет отрывок из брошюры о рабочих проблемах профессионального аккомпаниатора:

Чтобы певец и пианист смогли максимально приблизиться к идеальному исполнению, надо точно следовать замыслу композитора. Но иногда певец будет требовать от своего партнера чего-то явно противоречащего композиторским пометкам. Он захочет, например, акцента там, где его не должно быть; захочет *f* *ritato*, где не нужно; захочет *ritando* вместо *tempo*; пожелает петь *forte*, когда надо *piano*; может сентиментальничать, когда общее настроение должно быть *nobilmente*.

Этот перечень, конечно, далеко не исчерпан. Певец с рукой на сердце и со слезами на глазах будет клясться, что он делает и всегда стремится делать в точности то, что написал композитор. Это создает очень затруднительное положение. Если певец поет одно, а пианист играет другое — результатом будет хаос. Дискуссии в данном случае могут оказаться напрасными. Но что же тогда делать аккомпаниатору?

На публичном исполнении он *должен быть с певцом*, но после концерта помочь ему вытравить из головы память об этом исполнении...¹¹.

Однако единодушие — часто не единственное требование при командном определении ситуации. Видимо, всем нам свойственно некое ощущение, что наиболее реальные и твердо установленные вещи в жизни — это те явления, на описании которых люди сходятся не сговариваясь, независимо друг от друга. Опыт подсказывает, что если два участника одного события решат быть как можно более честными в пересказе о нем, то их свидетельства окажутся достаточно сходными, хотя бы они и не советовались друг с другом перед своими представлениями общего для них события. Наверно само намерение говорить правду, предположительно, делает такие предварительные консультации необязательными. Напротив, если два человека захотят солгать или предложить искаженную версию события, в котором оба принимали участие, то им будет необходимо не только заранее посоветоваться друг с другом, чтобы, так сказать, «придать истории честный вид», но и

¹¹ Moore G. The unashamed accompanist. L. Methuen, 1943.

скрыть факт использования благоприятной возможности для такого предварительного совещания. Другими словами, при инсценировании определения ситуации, для некоторых членов команды может возникнуть необходимость единодушия в выборе общих элементов ситуации и сокрытия того факта, что этот выбор не был взаимно независимым. (Между прочим, если члены команды заняты еще и в спектакле самоуважения, разыгрываемого друг перед другом, то для каждого из них может возникнуть необходимость самостоятельно понять и принять командную линию и при этом не допустить себя до признания, что в выборе их позиции независимость отсутствовала. Но подобные проблемы несколько уводят нас от командного исполнения как основной точки отсчета.)

Следует заметить, если участник команды обязанжаться определенной официальной информации, прежде чем занять свою позицию, то и эта официальная информация должна быть предоставлена ему в доступной форме, чтобы он смог сыграть свою партию в команде и почувствовать себя частью ее. Об этом писал например, Честер Холкомб в комментарии к тому, как некоторые китайские торговцы устанавливали цены на свои товары соответственным внешнему виду покупателя:

Один частный результат этого изучения покупателя проявляется в таком факте. Когда какой-то человек входит в магазин в Китае и, осмотрев несколько образцов товара, спрашивает цену одного из них, то продавец (если ему точно не известно обращался ли покупатель с этим вопросом к другим продавцам) не ответит ему, пока не опросит каждого другого продавца, называя ли тот джентльмену цену интересующего его товара. Если же, как случается очень редко, этой важной предосторожностью пренебрегают, то суммы, называемые разными продавцами, почти всегда сильно расходятся, тем самым показывая, что у продавцов нет согласия в их оценках данного покупателя.¹²

Утаивать от участника команды информацию о направлении действий его команды — это все равно что утаивать от него его характер, ибо не зная, какой линии поведения придерживаться, он может оказаться неспособным утвердить себя перед аудиторией. Так, если хирург собирается оперировать пациента, направленного к нему другим док-

тором, обычная вежливость обязывает хирурга по возможности сообщить этому доктору о дате операции и, если рекомендатель на ней не появится, телефонировать ему о ее результате. Будучи «информированным» таким образом, рекомендующий врач может более успешно, чем в противном случае, представить себя родственникам больного в качестве полноценного участника медицинского действия¹³.

В развитие сказанного хотелось бы добавить еще один общий факт о поддержании командной линии во время исполнения. Когда участник команды совершает ошибку в присутствии аудитории, другие члены команды часто вынуждены подавать свой непосредственный порыв немедленно наказать или поучить нарушителя до тех пор, пока не уйдет публика. В конце концов, безотлагательные исправительные санкции часто будут только еще больше расстраивать взаимодействие и, как ранее говорилось, могут раскрыть аудитории его секреты, которые должны быть предназначены только для участников команды. Так, в авторитарных организациях, где команда начальников поддерживает спектакль своей постоянной правоты и выстуления единым фронтом, часто действует строгое правило, что ни один начальник не должен показывать враждебности или неуважения к любому другому начальствующему лицу в присутствии кого-либо из команды подчиненных. Армейские офицеры демонстрируют согласие перед рядовыми, родители перед детьми¹⁴, управляющие перед рабочими, медсестры перед пациентами¹⁵ и т. п. Конечно, когда подчиненные отсутствуют, критика становится возможной и проявляется в открытой и самой яростной форме. Например, в исследовании учительской профессии Хоурда Беккера учителя высказали мнение, что если они обя-

¹³ Solomon D. Career contingencies of Chicago physicians / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology, University of Chicago, 1952. P. 75.

¹⁴ В семье интересна та драматургическая завязка, что половая и родословная солидарность каждого супруга, сталкиваясь с супружеской солидарностью как таковой, затрудняет для мужа и жены выполнение договора «поддерживать авторитет друг друга» перед детьми или подчеркнуть показывать кому-то из родни свое намерение либо «держаться от него на дистанции», либо перейти на самые близкие отношения. Как упоминалось ранее, такие сталкивающиеся линии при формировании группового членства предотвращают окончательные структурные разрывы.

¹⁵ Taxel H. Authority structure in a Mental Hospital Ward / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology, University of Chicago, 1953. P. 53—54.

¹² Holcombe Ch. The real Chinaman. N. Y.: Dodd, Mead, 1895. P. 293.

заны поддерживать впечатление профессиональной компетентности и авторитет самого института учительства, тогда у них должна быть уверенность, что, когда разгневанные родители придут в школу с жалобами, директор поддержит позицию своего персонала, по крайней мере, до момента ухода этих родителей¹⁶. Точно так же учителя убеждены в том, что и рядовые коллеги не должны проявлять несогласия с ними или противоречить им в присутствии учащихся. «Только позвольте другой учительнице насмешливо поднять бровь, как они [дети] тотчас это заметят и уж не забудут, и их уважение к вам сразу пропадет»¹⁷. Известно, что медицинская профессия тоже имеет строгие правила этикета, по которым консультант в присутствии больного и его лечащего врача должен остерегаться, чтобы не сказать ничего такого, что поколебало бы то впечатление компетентности, которое этот врач старается укрепить в своем пациенте. По Э. Хьюзу, «профессиональный этикет — это органичный ритуал, складывающийся неформально, чтобы держать перед клиентами общий фронт профессии»¹⁸. Этот род солидарности в присутствии людей зависимых встречается, конечно, и тогда, когда и исполнители действуют в присутствии начальников. Например, при исследовании полиции установлено, что два полисмена из одной патрульной команды, которые были свидетелями незаконных и полузаконных деяний друг друга и каждый из которых имеет отличную возможность разоблачить перед судьей образ напарника как стража закона, обычно проявляют героическую солидарность и упорно отстаивают росказни друг друга, независимо от того, какую мерзость они этим покрывают, или насколько малы шансы, что кто-нибудь им поверит¹⁹.

Очевидно, что если исполнители заинтересованы в поддержке какой-то линии действия, они будут выбирать в качестве участников команды тех, в ком могут быть уверены как в адекватных исполнителях. Так, детей в доме

¹⁶ Becker H. S. The teacher in the authority system of the public school // Journal of Educational Sociology. Vol. 27. P. 134

¹⁷ Ibid. P. 139

¹⁸ Hughes E. C. Institutions // New outline of the principles of sociology / Ed by A. M. Lee. N. Y.: Barnes & Noble, 1946. P. 273

¹⁹ Westly W. The police / Unpublished Ph.D. dissertation. Department of Sociology University of Chicago, 1952. P. 187—196

часто исключают из исполнений, даваемых для почетных гостей, так как нельзя быть до конца уверенным в «хорошем поведении» детей, то есть в том, что они воздержатся от выходов, несовместимых с оберегаемым впечатлением о доме²⁰. Так же опасны для представления те, о ком известно, что они быстро пьянеют и тогда становятся болтливыми или «трудно выносимыми» для окружающих, и те, кто отказывается «входить в общий дух» компании и помогать крепить впечатление, в поддержании которого гости тактично едины, угождая хозяину.

Как уже отмечалось, во многих постановках взаимодействия некоторые из его участников сотрудничают как команда или зависимы от этого сотрудничества в деле сохранения конкретного определения ситуации. Далее, при изучении конкретных социальных учреждений, часто обнаруживается, что в каком-то существенном смысле все оставшиеся вне такой команды участники взаимодействия в своих ответных выступлениях на командный спектакль, разыгрываемый перед ними, сами тоже образуют команду. Поскольку каждая команда будет до конца играть свой номер для другой, то в данном случае можно говорить о драматическом взаимодействии, а не о драматическом действии, и рассматривать это взаимодействие не как мешанину стальных голосов, сколько имеется участников, но скорее как разновидность диалога и взаимной игры между двумя командами. Мне неизвестна какая-нибудь общая причина, почему взаимодействие в естественной обстановке обычно принимает форму двухкомандной взаимной игры или сводимо к этой форме вместо вовлечения в игру большего числа участников, но эмпирически дело, по-видимому, обстоит именно так. И потому в больших социальных организациях, где существует несколько различных статусных градаций, при достаточной продолжительности любого конкретного взаимодействия обычно следует ожидать, что участники разных статусов временно разобьются на

²⁰ Поскольку детей признают «статистами», постольку за ними признают и известное право на бесплатные поступки без необходимости для аудитории слишком серьезно воспринимать иногда очень выразительный смысл этих поступков. Однако считают их статистами или нет, дети занимают в семье положение, позволяющее им раскрывать важные семейные секреты.

две командоподобные группировки. Например, лейтенант в армейском гарнизоне в одной ситуации будет чувствовать себя в союзе со всеми офицерами против всех рядовых военнослужащих, а в другой — в союзе с младшими офицерами, вместе с ними разыгрывая спектакль перед присутствующими старшими офицерами. Существуют, конечно, и такие разновидности определенных взаимодействий, для которых двухкомандная модель явно не подходит. К примеру, важные элементы арбитражных слушаний укладываются, по-видимому, в трехкомандную модель, а некоторые конкурентные и сугубо «социальные» ситуации требуют применения многокомандной модели. Каково бы ни было число команд, есть смысл анализировать взаимодействие, исходя из сотрудничества всех участников в поддержании рабочего согласия.

Если толковать взаимодействие как диалог между двумя командами, то иногда будет удобно называть одну команду исполнителями, а другую — наблюдателями или аудиторией, на время пренебрегая тем, что эта аудитория тоже будет находиться в этот момент в процессе представления своего командного исполнения. В некоторых случаях, вроде того, когда две одночленные команды взаимодействуют в каком-то публичном учреждении или в доме общего друга, можно произвольно выбирать, какую команду из одного человека назвать исполнителем, а какую — аудиторией. Однако во многих важных ситуациях социальная обстановка, в которой происходит взаимодействие, устроена и управляема только одной из команд, и более интимно используется в спектакле этой команды, чем в спектакле, разыгранном в ответ другой командой. Покупатель в магазине, клиент в учреждении, группа гостей в чужом доме — все эти лица некто исполняют и поддерживают представительский передний план, общий фронт исполнения, но обстановка, в которой они это делают, не доступна их непосредственному контролю, поскольку она является неотъемлемой частью представительства присутствующих там хозяев. В подобных случаях удобно называть команду, которая контролирует обстановку, исполнительской командой, а другую команду — аудиторией. По таким же соображениям иногда удобно именовать исполнителем команду, которая вкладывает во взаимодействие

больше усилий, или играет в нем более драматическую роль, или задает темп и направление, каким обе команды будут следовать в их взаимном диалоге.

Очевидно, что для успеха команды в насаждении желаемого впечатления в умах публики должна существовать известная гарантия, что ни одному индивиду не удастся соединить в своем лице и команду, и аудиторию. Так, например, если владелец маленького магазина женской готовой одежды продает платье, говоря своей покупательнице, что оно уценено по причине легкого загрязнения, или окончания сезона, или оно последнее в партии и т. д., при этом скрывая от нее, что в действительности оно уценено, так как иначе его не продашь, или из-за плохого цвета и фасона, и если он, чтобы впечатлить клиентку, рассказывает ей о салоне для покупателей в Нью-Йорке, которого у него нет, или о мастериче индивидуальной погонки платья, которая на самом деле простая продавщица, то этот владелец должен быть уверен, что когда понадобится нанять на временную работу в субботу дополнительную продавщицу, он не найдет соседку одной из своих бывших и потенциальных покупательниц²¹.

Понятно, что контролирование обстановки дает какое-то преимущество во время взаимодействия. В узком смысле этот контроль позволяет команде вводить стратегические приемы для определения объема информации, которой аудитория способна воспринять. Так, если врачи собираются оградить раковых больных от знания истинного диагноза их болезни, то будет полезно разбросать этих пациентов по всей больнице, чтобы они не смогли по специализации своей палаты узнать о характере своего заболевания. (Между прочим, больничным персоналом из-за этой постановочной стратегии, возможно, будет вынужден тратить больше времени на хождение по коридорам и на переноску оборудования.) Аналогично, мастер-парикмахер, который регулирует поток клиентов с помощью книги самозаписей, доступной публике, может выкроить себе перерыв на кофе, вписав на нужное время фиктивную фами-

²¹ Эти иллюстрации взяты из неопубликованной работы Джорджа Розенбаума: *Rosenbaum G. An analysis of personalization in neighborhood apparel retailing* / Unpublished M.A. thesis. Department of Sociology. University of Chicago. 1953. P. 86—87.

лию, чтобы потенциальный клиент увидел необходимость найти для себя другое время посещения мастера. Еще один интересный случай использования обстановки и театрального реквизита в жизни описан в статье об американских женских студенческих землячествах, в которой рассказывается, как «сестры» такого землячества, устраивая чаепитие для возможных будущих членов его, умеют отличать лиц с хорошими перспективами на прием от бесперспективных, не создавая впечатления, что с гостями обращаются по-разному:

«Трудно запомнить 967 девушек, даже и с рекомендациями, за несколько минут во время первой встречи с ними в конвейерной суете приема, — рассуждала Кэрол. — Поэтому мы придумали трюк, чтобы разделять хорошие и дурные характеры. У нас в ходу три подноса для визитных карточек кандидатов: один — для девушек с золотым характером, второй — для тех, с кем надо встретиться снова, третий — для забракованных».

«Активу, который беседует с кандидатками на вечерне встрече, положено незаметно сопроводить ее к соответствующему подносу, когда она готова оставить свою карточку, — продолжала Кэрол. — Кандидатки никогда не понимают, что мы делаем!»²².

Другую иллюстрацию возьмем из практического искусства управления отелем. Если кто-нибудь из персонала отеля имеет подозрения относительно намерений или характера пары постояльцев, коридорному может быть подан секретный сигнал «спустить собачку».

Это просто рабочий прием, который облегчает служащим надзор за подозрительными особами.

Разместив пару в номере, коридорный, закрывая за собой дверь, нажимает крошечную кнопку на внутренней стороне дверной ручки. Это поворачивает маленький кулачок внутри замка и вызывает появление темной смотровой щелки в его круглой центральной части снаружи. Щель достаточно незаметна для постояльцев, но горничные, дежурные, официанты и коридорные — все обучены следить за постояльцами... и сообщать о любых громких разговорах или необычных происшествиях, связанных с ним²³.

²² Beck J. What's wrong with sorority rushing? // Chicago Tribune Magazine. 1954. 10 January. P. 20—21.

²³ Collins D. Sterling S. I was a house detective. N.Y.: Dutton. 1954. P. 56. Многоточие в тексте авторское.

В общем, контролирование обстановки может дать контролирующей команде чувство безопасности. Вот как один исследователь говорит об отношении «врач—фармацевт»:

Магазин-аптека — дело серьезное. Врач часто приходит к фармацевту в магазин за лекарством, за информацией, за хорошим разговором. В этих разговорах человек за прилавком имеет приблизительно те же преимущества, что и стоящий во весь рост оратор над сидищей аудиторией²⁴.

Ощущение независимости медицинской практике фармацевта придает именно его магазин. Магазин, в некотором смысле, есть часть самого фармацевта. Как Нептуна изображают поднимающимся из моря и в то же время волной и пеной этого моря, так и в этосе фармацевтики культивируют священный образ благородного фармацевта, сумевшего возвыситься над полками и прилавками с пузырьками и медоборудованием, хотя одновременно все это является частью его сущности²⁵.

Хорошую литературную иллюстрацию последствий лишения контроля над обстановкой дает отрывок из «Продесса» Франца Кафки, где Йозеф К. встречается с представителями власти в своем пансионе:

Когда он оделся окончательно, Виллем, идя за ним по пятам, провел его через пустую гостиную в следующую комнату, куда уже широко распахнули двери. К. знал точно, что в этой комнате недавно поселилась некая фройля Яюрстнер, машинистка; она очень рано уходила на работу, поздно возвращалась домой, и К. только обменивался с ней обычными приветствиями. Теперь ее ночной столик был выдвинут для допроса на середину комнаты, и за ним сидел инспектор. Он скрестил ноги и закинул одну руку на спинку стула»...

— Йозеф К.? — спросил инспектор, должно быть, только для того, чтобы обратить на себя рассеянный взгляд К.

К. наклонил голову.

— Должно быть вас очень удивили события сегодняшнего утра? — спросил инспектор и обеими руками пододвинул к себе немногие вещи, лежавшие на столике, — свечу со спичками, книжку, подушечку для булавок, как будто эти предметы были ему необходимы при опросе.

— Конечно, — сказал К., и его охватило приятное чувство: наконец перед ним разумный человек, с которым можно поговорить о своих делах. — Конечно, я удивлен, но, впрочем, и не очень удивлен.

²⁴ Weinlein A. Pharmacy, as a profession in Wisconsin / Unpublished Master's thesis. Department of Sociology. University of Chicago, 1943. P. 105.

²⁵ Ibid. P. 105—106.

— Не очень? — переспросил инспектор и, передвинув свечу на середину столика, начал расставлять вокруг нее остальные вещи.

— Возможно, что вы не так меня поняли, — заторопился К. — Я только хотел сказать... — Тут он осекся и стал искать, куда бы ему сесть. — Мне можно сесть? — спросил он.

— Это не полагается, — ответил инспектор²⁶.

Разумеется, за привилегию давать представление на сценической площадке собственного дома надо платить: человек имеет хорошую возможность передавать информацию о себе сценическими средствами, но не имеет возможности скрыть те факты, которые передаются декорациями, обстановкой действия. Тогда следует ожидать, что потенциальный исполнитель, возможно, в каких-то случаях будет избегать своей собственной сцены и ее контролирующих воздействий, чтобы предотвратить неприкрытое исполнение, и это может подразумевать нечто большее, чем, например, простая отсрочка званого вечера из-за того, что еще не прибыла новая мебель. Так, известно, что в одной трущобной зоне Лондона

...матери чаще, чем в каком-либо другом месте, предпочитают рожать в больнице. Главная причина этого предпочтения, по-видимому, в болзни расходов на домашние роды, так как придется покупать кое-какие необходимые вещи, например, полотенца и купальные ванночки, да еще каждая вещь должна отвечать требованиям приглашенной акушерки. Это означает также присутствие в доме чужой женщины, что в свою очередь подразумевает необходимость специальной его уборки²⁷.

Когда изучают командное исполнение, то часто выясняется, что некто в нем облечен правом направлять и контролировать ход драматического действия. Пример — «конюший» в дворцовых церемониях. Иногда индивид, который церемониально контролирует спектакль и в некотором смысле выступает его распорядителем, играет и одну из важных специфических ролей в исполнении, коим он дирижует. Поясним это взглядом романиста на служебные функции свадебной церемонии:

²⁶ Kafka F. The trial. N.Y.: Knopf, 1948. P. 14—15 [Кафка Ф. Процесс // Кафка Ф. Америка. Процесс. Из дневников. М.: Издательство политической литературы, 1991. С. 250—251.]

²⁷ Spinley B.M. The deprived and the privileged. L.: Routledge & Kegan Paul, 1953. P. 45.

Священник оставил дверь приоткрытой, чтобы они [Роберт, жених, и Лайонел, шафер] могли услышать реплики и войти без промедления. Они стояли за дверью как тайные соглядатаи. Лайонел потрогал свой карман, нащупал круглый ободок кольца и легонько пожал локоть Роберта. Когда ключевое слово было произнесено, Лайонел распахнул дверь и, по сигналу, выдвинул Роберта вперед.

Церемония прошла без заминков, направляемая твердой и опытной рукой священника, который сильно понижал голос, давая указания, и выразительно хмурил брови, поправляя исполнителей. Гости не заметили трудностей Роберта при надевании кольца на палец невесты, но зато заметили, что ее отец плакал чересчур обильно, а мать не плакала совсем. Но все это были мелочи, очень скоро забытые²⁸.

В общем, члены команды отличаются друг от друга способами и степенью, в какой им позволено направлять исполнение. Кстати, можно заметить, что структурные сходства явно разнородных рутинных церемоний находят достаточно хорошее отражение в сходстве умов, повсюду наблюдаемом у всяческих распорядителей и режиссеров. Будь то похороны, свадьба, партия в бридж, однодневная распродажа, повешение или пикник, распорядитель склонен рассматривать исполнение с точки зрения того, идет ли оно «гладко», «успешно», «без заминки» и все ли могут помешать случайности были предусмотрены заранее.

Во многих исполнениях должны быть реализованы две важные функции, и если команда имеет распорядителя, на него часто и будет возложена специальная обязанность исполнения этих функций.

Во-первых, на распорядителя могут возложить обязанность корректировать любого члена команды, чье исполнение становится неподходящим к обстановке. В этих целях обычно используются исправительные процедуры успокоения и наказания. Как пример можно взять роль бейсбольного судьи в поддержании определенного образа реальности для болельщиков-фанатов.

Все судьи настаивают, чтобы игроки контролировали себя и воздерживались от жестов, выражающих презрение к их решениям²⁹.

²⁸ Miller W. The sleep of reason. L.: Secker, 1956.

²⁹ Pinelli B. Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 141.

Я знал, что безопасный клапан для облегчения ужасного напряжения необходим, и как игрок сам наверняка бы спускал свою долю излишнего пара. Даже как судья я мог сочувствовать игрокам. Но именно как судья я был обязан решать, насколько далеко в нарушениях можно позволить зайти тому или иному игроку, не прерывая игру и не позволяя оскорблять, атаковать или высмеивать себя и тем унижать саму игру. Улаживание споров и успокоение людей на поле было столь же важным делом как и правильность решений — и более трудным!

Самое легкое для любого судьи — это удалить игрока с поля. Часто гораздо труднее сохранить его в игре — так понять и предупредить его недовольство, чтобы оно не перешло в какую-нибудь скверную потасовку³⁰.

Я не терплю клоунады на поле и не советую терпеть любому другому судье. Комедианты уместны на сцене или на телевидении, но не в бейсболе. Шарж или бурлеск в игре могут лишь превратить ее в дешевку, а также дать повод презирать судью за попустительство подобным сценам. Вот почему забавников и умников-критиканов вы увидите в роли гонимых, как только они начнут откалывать свои стандартные номера³¹.

Нередко, конечно, режиссер-распорядитель не столько гасит неуместный аффект, сколько поощряет уместные проявления настоящей эмоциональной вовлеченности. «Зажигающее зрелище» — вот фраза, иногда употребляемая для обозначения последней задачи в ротарианских кругах*.

Во-вторых, на режиссера-распорядителя иногда возлагается специальная обязанность распределения партий в исполнении и личных передних планов, применяемых в каждой партии, ибо всякую организацию человеческой деятельности можно рассматривать как организацию некой сценической площадки с известным количеством характерных ролей, которые надо раздать перспективным исполнителям, и как совокупность знаковых средств или церемониальных принадлежностей, которые надо разместить с наибольшей пользой для исполнения в целом.

Очевидно, что если распорядитель действия исправляет последствия неподходящих появлений на сцене и распределяет большие или меньшие привилегии исполните-

лей, тогда другие члены команды (предположительно, заинтересованные в успехе спектакля, который они ставят друг для друга, так же как и в успехе спектакля, который они коллективно ставят для аудитории) будут иметь по отношению к такому режиссеру установку, какой у них нет в отношении других участников их команды. Далее, если аудитория понимает, что исполнение имеет распорядителя, то ее члены, вероятно, будут считать его более ответственным за успех данного представления, чем других исполнителей. По-видимому, распорядитель должен отзываться на это бремя ответственности, предьявляя исполнителям такие драматургические требования, каких они не сумели бы предьявить себе сами. Это может усилить общую отчужденность от него, зародившуюся у исполнителей раньше. Поэтому распорядитель, начиная как член команды, может мало-помалу ощутить себя в тисках маргинальной роли между аудиторией и исполнителями, наполовину в обоих лагерях и наполовину вне их, — своего рода посредником между ними, но без защиты, которую обычно имеют посредники. Фабричный мастер может служить точным примером такого положения³².

Когда исследуется некая рутина, которая требует для своего представления другим команду из нескольких исполнителей, то иногда обнаруживается, что один из членов команды сделан звездой, ведущим, или центром внимания. Крайний пример такой расстановки исполнителей можно увидеть в традиционной придворной жизни, где всякое помещение, заполненное придворными и посетителями, будет организовано в виде какой-то живой картины, в которой из любой точки взгляд с неизбежностью обратится к королю как к центру внимания. Королевская звезда представления может быть и одетой более зрелищно, и сидеть выше, чем другие присутствующие. Еще более впечатляющую централизацию внимания можно увидеть в танцевальных узорах больших мюзиклов, в которых сорок или пятьдесят танцоров увиваются вокруг прима.

³⁰ Pinelli B. Mr Ump. Philadelphia: Westminster Press, 1953. P. 131.

³¹ Ibid. P. 139.

* То есть среди членов местных организаций международного клуба деловых людей и профессионалов, основанного в 1905 г., — Rotary Club. (Прим. пер.)

³² См., напр.: Wray D. E. Marginal men of industry: The foreman // American Journal of Sociology. Vol. 54. P. 298—301. Roethlisberger F. The foreman: Master and victim of double talk // Harvard Business Review. Vol. 23. P. 285—294. Роль посредника будет рассмотрена ниже.

Причудливость представлений при королевских появлениях на публике не должна помешать нам разглядеть прозаическую полезность идеи «двора»: в действительности дворы обычно можно найти вне дворцов, пример — рестораны голливудских производственных студий. Хотя, видимо, в абстрактном смысле и верно, что люди в живом общении классово «эндогамны», проявляя склонность ограничивать неформальные связи кругом людей своего собственного статуса, все же при более близком изучении социального класса можно обнаружить, что он составлен из отдельных социальных кружков, и каждый кружок включает один и только один комплект исполнителей разного положения. И часто такой кружок будет формироваться вокруг одной доминантной фигуры, которая постоянно держится на сцене в центре внимания и не терпит рядом других подобных фигур. Ивлин Во затрагивает эту тему при обсуждении характера британского высшего класса:

Возвратимся лет на 25 назад ко времени, когда у нас была еще довольно четкая аристократическая структура и страна была поделена на сферы влияния между наследственными магнатами. По моим воспоминаниям, тогдашние гранды избегали общения друг с другом, если только они не были в близком родстве. Они встречались по государственным делам и на скачках. Они не жаловали частым посещением дома друг друга. В герцогском замке вы могли встретить кого угодно: выздоравливающих после болезни знакомых, бедных кузин, экспертов-консультантов, лизоблюдов, жигало и откровенных вымогателей. Одного вы бы наверняка там не нашли — других герцогов. Английское общество казалось мне каким-то сложным объединением племен, каждое племя со своим вождем и старейшинами, со своими знахарями и храбрецами, со своим собственным диалектом и божеством, каждое с сильной ксенофобией³³.

Неформальная общественная жизнь персонала наших университетов и других интеллектуальных бюрократий, по-видимому, распадается на кружки по тому же образцу: клики и фракции, составляющие мелкие партии административной политики, образуют «дворы» компанейской жизни, где местные герои могут безопасно крепить впечатление величия своей группки, своей компетентности и своей глубины.

³³ Waugh E. An open letter // Noblesse oblige / Ed. by N. Mitford. L.: Hamish Hamilton, 1956. P. 78.

В общем, можно сказать, что все лица, помогающие представлять командное исполнение другим, различаются мерой данной каждому из них драматической власти и тем, что одна командная рутинка отличается от другой по объему и качеству этой власти, отпущенной их участникам.

Концепции драматического и директивно-распорядительного влияния как контрастных типов влияния в процессе исполнения, можно применить, *mutatis mutandis*, к взаимодействию как целому, чтобы по возможности выявить, которая из двух команд какого из двух названных типов влияния имеет больше, и какие исполнители (рассматривая всех участников обеих команд вместе) являются ведущими в этих двух разновидности власти.

Бывает, конечно, что исполнитель или команда обладают властью сразу двух указанных типов, но это никоим образом не общее правило. Например, во время прощания с телом в похоронном заведении вся социальная обстановка и все участники, включая как команду друзей и родственников покойного, так и команду похоронного заведения, обычно располагаются так, чтобы выражать чувства собравшихся к усопшему и привязанность к нему: он оказывается центром спектакля и драматически доминантным участником в нем. Но так как друзья и родственники покойного неопытны и подавлены скорбью, а звезде спектакля суждено выступать как бы в роли кого-то пребывающего в глубоком сне, то направлять спектакль будет сам владелец похоронного бюро, хотя он может все время держаться в тени, где-то поблизости или даже в другом помещении заведения готовиться к следующему церемониалу.

Надо ясно понять, что драматическая и директивная разновидности власти — всего лишь драматургические термины и что исполнители, обладающие такой властью, могут не иметь других типов власти и авторитета. Общеизвестно, что исполнители, которые по титулу занимают позиции лидеров, часто просто подставные фигуры, выбранные или в результате компромисса, или для нейтрализации потенциально опасного партнера, или для стратегического прикрытия настоящей власти за ее показным фасадом.

* С соответствующими поправками (лат.).

дом, то есть реальной власти за фасадной властью. И потому, в частности, когда неопытным или временным назначенцам дают формальную должностную власть над опытными подчиненными, нередко обнаруживается, что формально обещанному властью лицу по сути дают отступное в виде драматически выигрышной доминантной партии, в то время как эти бывалые подчиненные сами направляют данный спектакль³⁴. Так, в первую мировую войну в британской пехоте опытные сержанты из рабочего класса справлялись с такой тонкой задачей как незаметное подстрекательство своих новых лейтенантов выступить в драматически выразительной роли во главе взвода и быстро умереть в героической позе, как и подобает выпускникам британских частных школ. Сами сержанты знали свое скромное место в тылу взвода и старались жить, чтобы и дальше учить других лейтенантов.

Драматическое и директивное влияние в командном исполнении были выделены как два измерения, по которым различаются места в команде. Немного изменив точку зрения, можно увидеть и третье.

Вообще, люди, участвующие в деятельности, протекающей внутри какого-то социального учреждения, становятся членами одной команды, когда они сотрудничают, чтобы совместно представить другим свою деятельность в определенном свете. Но принимая на себя роль исполнителя в команде, человек не перестает отдавать часть своих усилий недраматургическим интересам, то есть самому содержанию деятельности, приемлемую театрализацию которой предлагает данное исполнение. В таком случае можно ожидать, что индивиды, работающие на определенную команду, будут различаться между собой тем, как они распределяют свое время между чистой деятельностью и чистым представительством. На одном полюсе сосредоточатся индивиды, которые редко появляются перед публикой и мало интересуются видимостью. На другом полюсе соберутся исполнители, как иногда говорят, «чисто церемониальных ролей», заинтересованные в создаваемой ими видимости и очень мало в чем-либо еще. Например, и президент, и руководитель исследовательского отдела какого-

³⁴ Riesman D., Denny R., Glazer N. The lonely crowd. New Haven: Yale University Press, 1950. P. 363—367.

нибудь общенационального профсоюза могут проводить все свое рабочее время в главном помещении штаб-квартиры союза как следует одетые и в меру красноречивые, чтобы придать своему союзу респектабельный фасад, представительский передний план. Но президент к тому же принимает много важных решений, тогда как руководитель исследовательского отдела мало что делает кроме представления себя во плоти как части президентской свиты. Официальные лица воспринимают такие чисто церемониальные роли как часть «украшения витрины»³⁵. Подобное разделение труда можно найти и в семейном укладе, где должно быть выставлено на показ нечто большее, чем качество исполнения задач. Знакомая многим концепция показного потребления* рисует, как мужья в современном обществе занимаются приобретением социального статуса, а жены — демонстрацией плодов этого приобретения. Несколько раньше такую специализированную функцию еще очевиднее исполнял лакей:

Но главная ценность лакея заключалась в одной важной услуге дому, а именно, в эффективности, с какой он рекламировал уровень богатства своего хозяина. Конечно, на эту цель работала все слуги, поскольку их присутствие в доме демонстрировало способность хозяина оплачивать и содержать их даже за ничтожный или непропорциональный труд. Но не все были равно эффективны в этом отношении. Люди с необыкновенными способностями и специальной подготовкой, требовавшие поэтому высокого вознаграждения, приносили больше чести своим работодателям, чем оплачиваемые по низким ставкам. Слуги, чьи обязанности связаны с необходимостью быть на виду, успешнее представляли богатство своего хозяина, чем постоянно работающие вне поля зрения окружающих. Наиболее эффективными и эффективными в этом отношении среди представительской прислуги были ливрейные слуги — от кучера до мальчика-посыльного. Рутинные обязанности этих слуг делали их в высшей степени наглядными. Более того, сама ливрея как форма одежды подчеркивала их отстраненность от производительного труда.

³⁵ Wilensky H. L. The staff «Expert»: A study of the intelligence function in American Trade Unions / Unpublished Ph. D. dissertation. Department of Sociology. University of Chicago, 1953. Ch. 4. Я признателен м-ру Виленски за многие вдохновляющие идеи.

* Имеется в виду концепция американского социолога начала XX в. Торстейна Веблена, изложенная в его книге «The theory of leisure class» [Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984.] (Прим. ред.).

Эта эффективность достигала максимума в фигуре лакея, чьи повседневные рутинные обязанности выставляли его на вид чаще и систематичнее других ливрейных слуг. Вследствие этого, лакей был одним из необходимейших элементов жизненной витрины своего хозяина³⁶.

К этому можно добавить, что индивид с чисто церемониальной ролью не нуждается в драматически доминантной роли.

После всего сказанного, команду можно определить как некий круг индивидов, чье тесное сотрудничество требуется в случаях, когда необходимо поддерживать данное запланированное определение ситуации. Команда — это группировка, но группировка не в контексте отношений социальной структуры или социальной организации, а скорее в контексте взаимодействия или ряда взаимодействий, в которых удерживается нужное определение ситуации.

Как уже отмечалось и будет еще не раз подтверждено, если исполнение вынуждено быть эффективным, то очень вероятно, что степень и характер сотрудничества, которое делает это возможным, будут скрывать и держать от всех в секрете. В таком случае команда имеет в себе нечто от секретного общества. Публика, конечно, может понимать, что всех членов команды связывают обязательства, которые не разделяет с ними ни один человек из публики. Так, например, когда клиенты приходят в какое-то заведение по обслуживанию населения, они ясно сознают, что все его работники отличаются от них в силу этой официальной роли служащего. Однако индивиды, числящиеся в штате заведения, становятся членами команды не просто в силу своего штатного статуса, а благодаря сотрудничеству, которое они поддерживают, чтобы отстоять данное определение ситуации. Во многих случаях может не предприниматься никаких попыток скрывать кто именно состоит в штате, но эти же штатные работники образуют секретное общество, команду, когда они охраняют секреты своего сотрудничества в деле поддержания конкретного определения ситуации. Команды могут создаваться индивидами в помощь группе, членами которой они являются, но, помогая себе и своей группе вышеописанными драматургиче-

скими приемами, они действуют именно как команда, а не группа. Поэтому команда, в использованном здесь значении — это своеобразное секретное общество, о членах которого его нечленам может быть известно, что те составляют какое-то общество, даже избранное, но то общество, о котором известно, какие люди его составляют, — совсем не то общество, которое они же образуют, действуя как команда.

Поскольку все так или иначе участвуют в командах, у всех должно быть нечто от греховно-сладкого чувства вины, свойственного конспираторам. И поскольку каждая команда занимается поддержанием стабильности каких-то определенных ситуаций, скрывая или смягчая для этого определенные факты, то можно ожидать, что отдельный исполнитель в качестве такого конспиратора постарается действовать незаметно.

³⁶ Hecht J. J. The domestic servant class in eighteenth-century England. L.: Routledge & Kegan Paul, 1956. P. 53—54.